

Игра с огнем

Автор:

Елена Гайворонская

Игра с огнем

Елена Михайловна Гайворонская

Они были такие разные – зеленоглазая красавица Марианна и скромная простушка Шура. Только одного Шура не смогла простить старшей сестре – Марку, который был до того ослеплен Марианной, что даже не заметил безнадежной любви незаметной серой мышки. Трагедия, приведшая к гибели игравшей с огнем Марианны, ожесточила Шуру: девушка решила любой ценой отомстить Марку... Проходят годы. Сможет ли могущественная леди Александра выполнить задуманное, если чувство до сих пор живо, а на пути стоит самый дорогой ей человек?..

Елена Гайворонская

Игра с огнем

Глава 1

Год 1972. Июнь.

Мальчик стоял у дощатого забора и смотрел то на пролетавшее сразу за ним шоссе, то на проплывавшие над головой облака.

Забор был покосившийся, выкрашенный когда-то в изумрудно-зеленый цвет, но от дождей и снегов изумрудная зелень полиняла и стерлась, оставив лишь неровные подтеки на обглоданной, в трещинах и щелях, древесине...

За забором стоял дом. Старый бревенчатый, одноэтажный, с подвалом и чердаком, с протекающей крышей и покосившимися резными наличниками, поправить которые было некому. Окна выходили почему-то только на север, и сквозь тусклые стекла в комнаты почти не проникал солнечный свет...

Местность, где стоял дом, считалась пригородом столицы. Пригород – это где-то «между»: уже не город, но еще и не деревня – сомнительный статус, позволяющий обитателям держать кур и тощих коз и презрительно фыркать в сторону «лимиты» – молодых, крепких телом и сильных духом, юношей и девушек, стекавшихся в Москву со всех концов необъятного пространства, называвшегося в ту пору Советским Союзом. Щёлковское шоссе, летом – пыльное, зимой – слякотное, пахло бензином и дальними странствиями. Днем и ночью по нему взад-вперед проносились автобусы, большегрузные фуры, реже – коробочки-легковушки «Жигули», «Москвичи», иногда – «Волги», совсем уже редко – «Волги» черные, где сидели важные дяди в серых костюмах при галстуках, красивые тети, чьи умело взбитые прически благоухали волнующими экзотическими ароматами, перебивавшими бензиновые пары... Автомобили уносились прочь, а мальчик еще долго глядел им вслед, вытягивая тонкую шею...

А над головой, в ярко-синем летнем небе, величественно проплывали облака. Огромные, белые, пушистые... если мальчик смотрел в небо долго-предолго, ему начинало казаться, что и сам он превращается в облачко и, отрываясь от темно-коричневой земли, устремляется все выше и выше в прозрачную бездну... Но снова и снова взгляд натывался на облезлый забор. В такие минуты он страстно завидовал дядям и тетям в коробочках-машинах, потому что им не нужно было становиться облаками для того, чтобы своими глазами увидеть и своими ладонями пощупать весь этот страшно-огромный, загадочный, неизведанно-меняющийся мир...

Мальчику было двенадцать. Но те, кто об этом не знали, обычно думали, что ему гораздо меньше. Он был тихим, покладистым, с огромными, ярко-синими, как летнее небо глазами, тонкими, светлыми, коротко остриженными волосами, худеньким и чахлым, как придорожная былинка.

Звали его Марк. Мальчик стеснялся своего имени. Он предпочел бы называться Сережей, Вовой или Андреем, чтобы тетка Галина перестала говорить:

– Ну и придумала Польша, блин... Нормальных ей имен не хватило. Необычное имя – необычная судьба... Дура чертова.

– Теть Галь, а что такое судьба? – расхрабрившись, спросил мальчик однажды.

Тетка надвинула на переносицу широкие брови, подперла ручищами-лопатами широкие бока, и мальчик привычно съежился в ожидании очередной затрещины. Но тетка, подув на свою взмокшую медную челку, просто ответила:

– Ну... это вся жизнь... все, что с тобой происходит между рождением и смертью, понял? Иди тогда, грядки прополи, да протри окна, балда. Уж не видно через них ни хрена...

Марк кивнул и пошел сражаться с сорняками, а за спиной слышалось теткино ворчание по поводу того, что нет от племянничка никакого толка ни в хозяйстве, ни в учебе – двоечник и балбес, только б на пианино бренчать, весь в своих родителей... Небось вырастет – тоже загремит за решетку... И за что ей такое наказание?

Мальчик обреченно вздохнул и подумал, что хотел бы самую обычную судьбу, как у всех ребят из класса: маму, папу, или, хотя бы одну маму, но чтоб была рядом, походы в кино по выходным и вкусный запах пирогов по праздникам, а в саду цвели бы белыми облаками раскидистые яблони... А может быть, для этого нужно всего лишь поменять имя на Сашу или Диму? И тогда, в одно прекрасное утро, мама вернется к нему по этому шоссе, заплачет, крепко обнимет и больше уже не бросит. Никогда...

Спустя пару дней тетка мальчика, Морозова Галина Петровна, получит серьезный казенный конверт с уведомлением о том, что ее сестра, Ладынина Полина Петровна, 1943 г.р., отбывавшая срок в колонии строгого режима, согласно ст.158, ч.2, п. «а» – кража, совершенная группой лиц по предварительному сговору, – скончалась от асфиксии, вызванной острым приступом бронхиальной астмы...

Год 1989.

Девочка дописала в тетрадке последнее иностранное слово и, выпятив пухлую нижнюю губку, облегченно вздохнула. Ей не очень-то нравился английский. Французский – другое дело: на нем говоришь, как поешь. А уж немецкий и вовсе – гадость...

– Are you ready?[1 - - Вы готовы?] – спросила непроницаемая «англичанка» по имени Елена Эдуардовна.

– Yes, mam, I've finished my work.[2 - - Да, мэм, я закончила работу.]

– Ou, all right. Thank you. Our lesson is over ready. Good bye, Maryann.[3 - - Хорошо, спасибо. На сегодня наш урок закончен. До свидания, Марианна.]

– Good bye, Elena Eduardovna. Thank you.[4 - - До свидания, Елена Эдуардовна. Спасибо.]

– Ф-фу, наконец... – сказала девочка. – Я все сделала, – доложила она кряжистому тополю за окном, и тот удовлетворенно качнул веткой.

Днем тополь вовсе не казался страшным. А вот по ночам, особенно, когда дул сильный ветер и лил дождь, он сердился и ворчал скрипуче, как директор школы. И тогда девочке казалось, что он живой. Может, прежде, он тоже был человеком, и даже директором школы и ставил много двоек, а потом рассердил чем-нибудь злую колдунью, и та превратила его в тополь. Это так грустно: ни побегать, ни поиграть... Но все-таки лучше, чем в паука. Бр-р!

Девочка передернула плечиками и подумала, что мама непременно сказала бы, что у нее, Марианны, чересчур богатое воображение...

В комнате было тихо и скучно. Девочка немного попрыгала по залитому июльским солнцем орнаменту дубового паркета и по широкой, укутанной ворсистым белым ковром лестнице спустилась вниз, на первый этаж.

Из холла доносилось приглушенное мурлыканье:

- Издалека до-олго

Течет река Во-олга,

Течет река Во-олга -

Конца и края не-ет...

Это пела, ловко орудуя шваброй, домработница Любаша. Веревоочная насадка, вжик-вжик, скользила по матовому полу, оставляя блестящий, пахнувший вкусным шампунем, след.

- Привет, Любаша!

- Привет, егоза» Гляжу: англичанка пошла, важная, ровно аршин проглотила...

Девочка приснула, так похоже передразнила Елену Эдуардовну Любаша.

- Чево ребенка летом напрягают? И так уж, восемь лет всего, а по-ненашему, как пулемет, шпаришь.

- Меня в лагерь летний отправляют, на какие-то острова, - уныло сказала девочка. - Так неохота...

- Че ж «неохота»? мир своими глазами посмотришь, не по телеку, плохо чтоль?

- А ты ездила?

- Куда мне! - Рассмеялась девушка, отерев капельки пота с круглого курносенького личика, излучавшего радостное жизнелюбие.

И вновь шваброй вжик-вжик!

- Здорово! - восхитилась девочка. - А дай мне, а?

- Нет, что ты! - Испугано оглянувшись, замахала пухленькими ручками Любаша. - Александра Дмитриевна увидит - заругает.

- Не заругает... Ну Любаш, ну, пожалуйста! - Девочка просительно подергала домработницу за рукав и даже слегка похныкала для жалости. - Она и не узнает!

- Ну ладно, - сдалась девушка. - Давай, вот отсюда - досюдова, только быстро!

Нужно говорить «отсюда», а не «отсюдова» - мысленно поправила девочка, но вслух не произнесла, потому что не хотела обидеть Любашу. Старательно пыхтя она терла шваброй блестящий пол.

- Ну, молодец! - Воскликнула Любаша. - Чисто, как в реанимации!

- Вот вырасту, - удовлетворенно произнесла девочка, - и всегда сама буду мыть пол.

- Тогда я без работы останусь! - Рассмеялась Любаша весело, дробно, точно рассыпала стеклянные бусинки по дубовому паркету.

И тогда, помявшись, девочка решилась задать вопрос, мучивший ее последние дни:

- Любаш, а ты на кого работаешь?

- Как «на кого»? - Удивилась домработница. - На твоих папу и маму.

- Значит, они - капиталисты?

- С чего ты это взяла? - Озадаченно проямлила Любаша, даже нижняя губа у нее отвисла.

- По телевизору говорят, что в нашей стране люди работают только на государство, то есть на самих себя, - заведя длинные, похожие на пережженные миндалины, глаза, старательно повторила девочка. - Только на Западе

капиталисты эксплуатируют труд простых граждан.

- Ой, да поменьше ты телек глазей, глупостей не слушай! - Затрясла головой Любаша. - Какая разница, кто деньги платит?

«Платит», - снова мысленно поправила девочка.

- Ты прям как сестренка моя, Людка, все спрашиваешь-спрашиваешь! Любознательная! - С радостным смехом Любаша потрепала девочку по непослушным темным волосам. - У-у, как ты на папашу вашего похожа...

- А твоя Людка тоже английский учит?

- Не, к чему ей это? В деревне ведь живет с мамкой.

- А корова у них есть? - Обрадовалась девочка.

- Не, - сокрушенно развела ладошками Любаша, - нету коровы. Ее щас не прокормишь: комбикорм дорогой, силос... Куры есть, коза, овцы... Кабы позволили, я б тебя взяла к нам на лето... Лес у нас знаешь какой? Дремучий. А грибов! Ягод! Прорва. У сестренки моей щеки - во, с молока козьева. А ты, как поганочка, бледненькая...

- Везет ей, - вздохнула девочка. - И коза, и куры, и лес... И в лагерь одной ехать не надо. А меня, как учебный год начнется, в Англию отправляют, в пансион.

- С мамкой?

- Одну... - Сказала девочка, вовсе пригорюнившись.

Любаша наморщила лоб, потом, воровато оглянувшись по сторонам, попросила:

- погоди, - убежала куда-то и вернулась с серенькой курточкой, на кармашке которой красовалась аппликация - мышка с большими розовыми ушами.

- Сестренке справила. Нравится? Примерь, рост погляжу.

Девочка кивнула. Ей вообще нравилось все, что делала Любаша: пела, вытирала пыль, разговаривала, как со взрослой. Не то, что повариха или шофер: сюсюкают, словно с трехлеткой: «Ай ти, Марианноська...

- Любаш, а как ты пела про Волгу?

Девушка снова рассмеялась – такой уж легкий, веселый был у нее характер. «Вот бы маме такой же...»

- Издалека до-олго,

- давай помогай, -

- Течет река Во-олга,

- старательно подхватила девочка.

- Что здесь происходит?

Увлечшись, они не расслышали властный стук каблучков по дубовому паркету там, где заканчивается мягкий, как плюшевый мишка, мохнатый ковер. Но аромат – терпкий, с горчинкой, по которому все в доме безошибочно определяли присутствие хозяйки – духи стояли на трюмо в комнате матери в смешном рогатом флаконе, и девочка мечтала заполучить его после, назывались красиво и таинственно «Же Озе» – они ощутили одновременно со строгим «Что здесь происходит?»

Мать стояла, скрестив руки на груди, и смотрела недовольно. Ростом мама была ниже Любаши. Но то ли из-за того, что держалась всегда очень прямо, будто на параде, вздернув безупречно-округлый подбородок, то ли потому, что ходила по дому на высоченных каблуках, а может, оттого, что завидев ее, домработница втягивала голову, как черепашка в панцирь, мама всегда казалась больше и внушительнее...

Вот и сейчас Любаша зачем-то принялась оправдываться, словно совершила что-то дурное, и на кругленьком простоватом ее личике появилась виновато-заискивающая улыбка.

Мама придирчиво оглядела серенькую курточку и некрасиво сморщила нос.

– Ну зачем ты тратила деньги на отечественную страсть? У Марианны осталась чудесная финская, из которой она выросла. Можешь взять.

Девочке стало отчего-то обидно за Любашу, растеряно теребившую пуговицу на цветастом рабочем халатике.

– Эта гораздо красивее финской, – сказала она, – на ней мышка. К тому же моя куртка будет маленькой, и рукава у нее обтрепались.

– Вот еще глупости, – недовольно приподняв идеально-полукруглые ниточки-брови, отрезала мама. И добавила тоном, не терпящим возражений:

– Ничего там не обтрепалось – не выдумывай. А если что, можно подшить. Есть у вас в деревне швейная машинка?

Это уже относилось к Любаше.

– Да, конечно, – обрадованно закивала девушка. – Большое спасибо! Мама посмотрела сквозь Любашу, словно ее и не было вовсе.

– Там – пятно, – указала она подбородком.

Домработница снова закивала и принялась тереть с утроенной энергией.

– Идемте, юная леди, – сказала мама и, повернувшись, проследовала на второй этаж.

Вздыхнув, девочка поплелась за щекочущим ноздри же-озиным шлейфом, тянувшимся от уложенных приходящим по утрам парикмахером коротких пепельных маминых волос и запястий, теряющихся в модно-широких рукавах платья тончайшего парижского шелка.

Год 1999.

Необычайно холодным выдался в Москве месяц май. Уже впору было раскрыться липким листочкам на пухоносых тополях, а по ночам еще трещали морозы. Продрогшие вороны стыли на лысых гнездах, переминаясь на озябших ногах, ворочали тупыми клювами холодные яйца.

Наружные термометры показывали +3, когда дружно, точно сговорившись, коммунальные службы отключили горячую воду в половине города.

Нахохлившись, москвичи кутали простуженные носы в мохеровые шарфы, от души ругая суровый климат, равнодушное правительство и ненормальный курс доллара. Старики вспоминали, что три последние цифры этого года, перевернутые вверх тормашками, означают, аккурат, число дьявола – 666, а значит, все беды еще впереди...

Наконец наступил июнь. Горячую воду дали, но до нее уже никому не было дела, потому что ртутные стрелки законных термометров безжалостно устремились к +40.

Плавился асфальт, растекались по нему ребристые шины, от жары «плыли» мозги... После трех недель засухи в Подмоскowie запылали леса, загорелись торфяники. Горячий ветер нагонял на усталую столицу прогорклый сизый смог. Его смешанный с тягучими бензинными парами смрад ощущался повсюду...

Таким было последнее лето уходящего тысячелетия в городе Москве.

В кабинете генерального прокурора Московской области кондиционер работал на полную мощность. Но хозяин ощущал себя так, точно уже долгое время находился в основательно разогретой сауне, ощущая страстное желание нырнуть с головой в бассейн с ледяной водой. Или хотя бы встать под обжигающе холодный душ...

Против воли он думал об этом, с тоской глядя в холодные яростные глаза посетительницы. Глаза цвета мокрого асфальта... Платиновая блондинка лет сорока с холеным высокомерным лицом, идеальной, волосок к волоску, стрижкой, с безупречным маникюром на нервных пальцах, в неброском, но «родном» костюме Шанель – курила, стряхивая порой мимо пепельницы, и терпкий сизый «Воговский» дым смешивался с горьким запахом дорогого

парфюма.

И от этой чудовищной какофонии, к которой упорно примешивался законный торфяниковый смрад, у немолодого усталого, жаждущего скорого отпуска прокурора медленно, но верно начинало ломить позвоночник. Он провел взмокшей ладонью по принимавшей с каждым днем все более зримые очертания залысине, ловя себя на том, что оправдывается перед визитершей, словно нашкодивший мальчишка.

– Уверяю Вас, я сделал все, что в моих силах и в моей власти. И даже больше. В 1978-м судебно-медицинская экспертиза признала Ладынина невменяемым, и дело автоматически перешло в компетенцию врачей. Согласно постановлению суда, Ладынин был помещен в областную психиатрическую лечебницу, где и находится по сей день. Дважды в год проходил освидетельствование. Не мне Вам объяснять, что на дворе давно не 78-й. Ладынин вышел бы лет пять назад, если бы не настойчивые просьбы мои и моих предшественников в должности. Но сегодня дело приняло иной оборот. Эксперимент группы Риттера по разработке нового препарата против... – прокурор страдальчески сморщился, – заболеваний подобного рода... Я не специалист, там все указано... – он кивнул в сторону объемной стопки разновеликих бумаг.

– Что Вы делаете? Слабо возмутился прокурор, увидев, что дама стряхнула пепел на верхний из листов. – Это же документ! Заключение независимых специалистов Берлинской Академии медицины... А вот – экспертов лаборатории фармацевтической компании Байер... Читайте сами: результаты исследований научной лаборатории под руководством главврача Риттера Георгия Аркадьевича признаются превосходными: около 90 процентов полного излечения. Новый препарат – последнее достижение в психиатрии, самого Риттера зазывают теперь все институты мира. Не могу понять, чего он ждет... Тем не менее, Ладынин как один из первых «подопытных кроликов» прошел кучу всевозможных диагностик, и вот заключение о его вменяемости, безопасности для общества и недопустимости дальнейшего содержания в лечебнице. – Прокурор протянул посетительнице белоснежный лист с кучей гербовых печатей. – Поймите меня, сударыня. Дело приняло международную огласку. Если Риттер обвинит меня в том, что по моему указанию в психиатрической больнице насильственно удерживаются здоровые люди, плохо будет нам обоим...

– Да что Вы мне тычете эти дурацкие бумажки! – Рассерженный взмах маленькой, но крепкой ладони с тяжеловесно сверкающим на среднем пальце

перстнем обрушил на линолеумные шашечки кабинетного пола белый листопад.

Бросив на посетительницу укоризненный взгляд, но не обронив ни слова, прокурор нагнулся, собрал разбросанные листки в голубенькую папку, а, распрямляясь, почувствовал острую боль в спине – напомнил о себе застарелый остеохондроз.

– Риттер... – Блеснул, очертив сигаретный полукруг, тяжеловесный камень, сверкнула надменная злоба в ее глазах.

– Риттер... Да он сам недалеко ушел от своих психов. Упрятать бы его подальше от нормальных людей...

Прокурор сдержанно промолчал, медленно задыхаясь от дыма, духов и пристально-яростного взгляда. Спина болела все сильнее, в отпуск хотелось все больше, уже неважно, куда, не обязательно к морю... Хоть на ненавистную дачу, лишь бы подальше...

– Значит, Вас волнует только ваша собственная задница, – словно прочитав эти мысли, сквозь зубы проговорила дама, – а тот факт, что на свободу выходит преступник, убийца, Вам плевать. Еще бы: ведь он зарезал не вашу сестру! Ей было двадцать, только двадцать, слышите? Моей дочери восемнадцать, и мне становится дурно при одной мысли, что на ее пути может встретиться подобное животное...

– Сударыня, по российским законам за убийство, совершенное в состоянии аффекта, максимально положенный срок – три года. Так что, будь в свое время Ладынин признан вменяемым, он освободился бы восемнадцать лет назад...

– Это идиотский закон! Собаку, попробовавшую однажды кровь, пристреливают...

– Но человек немного отличается от собаки...

– В данном случае – в худшую сторону...

– Прошел двадцать один год...

– Бросьте! – Дама резко подала вперед, уперев побелевшие фаланги стиснутых в кулаки пальцев в прокурорский стол. – Расскажите кому-нибудь другому душещипательную байку! Я не верю не в фальшивое раскаяние, ни в изменение сознания, ни в чудо-лекарство, ни в Бога, ни в дьявола!

Клубящийся дым неумолимо заполнял кабинетное пространство, вытесняя хозяина на последние околооконные сантиметры.

Прокурор удушливо закашлялся и, вытирая уголки слезящихся глаз, умоляюще поднял кверху ладони, прося капитуляции:

– Я сделаю все, что смогу. Если на свободе этот парень хоть что-нибудь натворит, будь то безбилетный проезд или нецензурная брань в общественном месте, он тотчас окажется за решеткой.

– Вы меня не поняли. Мне не нужны банальные пятнадцать суток. Он должен сидеть до конца своих дней, или...

Видавшему виды прокурору сделалось не по себе от ее холодного немигающего взгляда, сверлившего сквозь ребра, до самого позвоночника.

– В таком случае, – прошептал он, – нужно что-то более веское, например, распространение наркотиков или...

– Убийство.

– Да, или убийство. Но вряд ли он совершит это снова...

– Он или кто-то другой – какая разница? – Дама достала новую сигарету, и один вид ее вызвал у прокурора горловой спазм. – Разве в Москве и Подмосковье убийства – редкость?

– Александра Дмитриевна, – покачал головой прокурор, – Вы говорите крамольные вещи в ТАКОМ месте...

– Подумаешь, – презрительно фыркнула дама, – тоже мне, храм! Кому вы служите, черт возьми?

– Как вас понимать?

– Буквально, на кого вы работаете?

– На систему правосудия, – озадаченно вымолвил прокурор.

– Да что вы? А на кого работает эта система? Подсказать? На сильных мира. И, если вы об этом позабыли, то пора освободить кресло. Для человека более понятливого. И смелого.

– Ну, знаете! – воскликнул прокурор, выплескивая из легких порции дыма. – Думаю, ваши слова вряд ли понравятся бы господину Литичевскому!

Это был последний козырь в рукаве. И, одновременно, лекарство от боли и удушья.

– Я буду говорить то, что считаю нужным! – Отрезала дама. Но по ее метнувшимся зрачкам прокурор понял: он вытащил туза. – И вовсе ни к чему приплетать сюда моего мужа. Он не имеет к этому никакого отношения.

– Не вынуждайте меня, Александра Дмитриевна.

– Вы мне поможете?

– Я всегда помогал вам, разве нет?

– Абсолютно безвозмездно, – холодно многозначительно улыбнулась дама, при этом на ее нетронутых солнцем щеках обозначились пленительные ямочки. Но глаза оставались непроницаемыми, как прорубь.

– Разумеется... – Хозяин кабинета, сделав усилие, сравнимое с толканием ядра, растянул пересохшие губы.

– Всего хорошего.

– До свидания.

Дверь кабинета грохнула, будто прогремел взрыв.

Немолодой усталый прокурор достал из кармана платок, отер лоб и виски. Он ощущал себя овощем, пропущенным через кухонный комбайн. Распахнул окно, чтобы ворвавшийся уличный воздух, пусть даже прогоркло-торфяниковый, вытеснил парфюмно-сигаретный дым, казавшийся ему омерзительнее запаха общественной уборной.

Из окна прокурор видел, как элегантная дама села в серо-голубой «Мерседес-420», который круто развернулся и, чудом не зацепив пару пеших посетителей храма Фемиды и возмущенно просигналив на прощание, растворился в клубах дорожной пыли. Утомленный человек с невольной завистью подумал, с каким наслаждением он срывал бы с петель высочайшие московские двери, обладай хоть десятой частью состояния Романа Литичевского. Но иная мысль посетила вдогонку: он отказался бы и от целого, если бы, в нагрузку к многонулевым счетам в крупнейших банках мира, полагалось взять в законные супруги леди Александру.

Роман Алексеевич Литичевский сидел на довольно жестком стуле за огромным с закругленными углами столом в комнате переговоров офиса компании «Као Корпорейшн» в городе Осака.

Стены офиса были белыми, как таежный снег, полы, в отличие от стульев, довольно мягкими – передвигаешься бесшумно, будто в тапочках. Окна выходили на довольно оживленную магистраль. Даже изрядно повидавший на своем веку Роман всякий раз, попадая в Японию, не переставал удивляться их своеобразным представлениям о гармонии, равно как и удивительной способности, не утраченной с годами: на стыке тысячелетий, в напичканном стеклом, железом и электроникой мире, по-детски умиляться корявому сучку в глиняном горшке.

Но удивляла Япония не только этим. Расположенная на хвосте Земли, эта страна, несмотря на головокружительные достижения цивилизации, ревниво охраняла свой вековой консерватизм, поплеывая на весь остальной мир с высоты третьего этажа автодороги. Это вам не кичливая Америка с ее «продвинутым» феминизмом и секс-скандалами, и не меланхоличная скучающая Европа, тихо павшие под азиатским натиском выходцев из агрессивно-

демократической России... То ли японцы были слишком уж богобоязненными и добропорядочными, то ли местная якудза свято чтит нерушимость своих границ, но ежели у тамошних «деловых» появлялась хоть тень сомнения в честности лица, физического или юридического, претендующего на партнерство, если океанский ветер доносил самый слабый запах криминала, – любые контакты, какую бы прибыль они ни сулили, пресекались в один прыжок секундной стрелки, будь то крутейший «Роллекс» или расхожий «Ориент».

Роман был одним из немногих, допущенных в святая святых, – сердце одного из крупнейших концернов по переработке черных и цветных металлов.

В безмятежное застойное время, когда жизнь за железным занавесом текла спокойно и размеренно, когда прилавки были пусты, холодильники – полны, а огромная, простирающаяся с севера на юг страна слыла сильной и гордой, товарищ Литичевский Алексей Михайлович занимал одну из высоких должностей в Министерстве черной и цветной металлургии. Не нефтегаз, конечно, но, тем не менее, для сына его, Романа, железный занавес был приоткрыт, и выпускник Института Международных Отношений отправился в Гарвард. Эта поездка была не напрасной. В годы «перестройки» и последовавшие за ними классный экономист, принципиальный трудоголик, жесткий и удачливый бизнесмен с clean slate безупречной репутацией, Роман Литичевский стал одним из самых богатых и влиятельных людей в России, а вскоре и на Западе.

И теперь, сидя на довольно жестком стуле в комнате для переговоров, Роман вновь подумал, какой все же удивительный народ – эти японцы. Смотришь в их лица – застывшие желтые маски с узкими прорезями-глазами – и не понимаешь, что у них на уме. Ни в чем нельзя быть уверенным до самого конца.

Вполне вероятно, что то же думали остальные участники «круглого стола» о нем самом, поскольку и его азиатского типа чуть скуластое лицо с пустыми черными бровями, смыкавшимися над горбатым носом, уверенно-твердым взглядом эбеново-черных, слегка раскосых глаз и яркими губами, сжатыми в прямую нить, – было так же абсолютно непроницаемо.

Кондиционеры работали исправно. Несмотря на царящую за пределами стеклобетонного здания жару, все участники встречи были запакованы в глухие темные «тройки», светлые рубашки, галстуки-удавки...»Японцы, что с них взять! Янки уже давно бы порасстегивались...». Смуглые пальцы Романа безмятежно

покоились на черно-белом листе с текстом контракта. Тоненькая струйка пота ужом проползала между лопатками.

Президент «Као» господин Куросава говорил на безупречном английском долго, витиевато, в Роман медленно рисовал себе комбинацию маленькой сжатой в кулак руки с оттопыренным средним пальцем. И вдруг...

– Мы позволим себе надеяться, что наше сотрудничество с компанией «ЛИТ» будет плодотворным и взаимовыгодным...

Маски-лица синхронно закивали в такт.

«Да! Да! Свершилось, мать твою!»

– Благодарю за оказанное доверие... – Уголки губ Романа приподнялись в сдержанной полуулыбке.

Бизнес означал для него не только груды зеленых банкнот, сытую роскошную, полную удовольствий жизнь. Не об этом он думал всякий раз, когда заключал выгодную сделку. Об этом мог размышлять кто угодно, только не он.

Бизнес означал для него жизнь. Страсть, не сравнимую более ни с чем. Наркотик. Азарт. Бешеный выброс адреналина в бурлящую кровь. Огненную вспышку, разрывающую живот, горячей волной бьющую в пах и виски. Ни одна женщина, даже самая искусная, не могла дать ему такой остроты ощущений, прилива энергии, сравнимого лишь с возвращением в молодость, в первый оргазм, полученный не от смутных юношеских сновидений, а во время настоящего секса, который воспринимался тогда, как волшебный сон... Когда тебе всего ...дцать... и эта древняя, как мир, гимнастика не стала еще скучнейшим и банальнейшим средством от неизбежно надвигающейся старости, перед каковой бессилён даже господин Доллар...

Хотя и это все не то, совсем не то...

«А с америкашками можно было бы отправиться выпить...»

Секретарша, чертовски обаятельная девчущечка в кипельно-белой блузе, застегнутой почти до маленьких ушек, распахнув глаза-маслины, в которых легко читалось забавное восхищение, улыбнулась, продемонстрировав великолепии блестящих влажных зубок:

- Господин Ли-ти-чев-ски, - варварски непроизносимая фамилия для нежных девичьих губ, - желает, чтобы ему забронировали билет на самолет?

«Рыжие волосы, мягкая податливая кожа, глаза, как... А, впрочем, черт возьми, какая разница!»

- Да, пожалуйста, на вечер, первым классом, до Нью-Йорка.

В небольшом придорожном, игриво отделанном под березовую рощицу бистро «У Галины» на Щелковском шоссе с раннего утра до позднего вечера толпился народ, парковались важные огромные фуры, белобокие «Газели», приткие легковушки, кряжистые грузовики. Из них выходили суровые дальнобойщики, влекомые сомнительно чистыми подмосковными водоемами разомлевшие «чайники», пронырливые «челноки». По всей округе разносились запахи жаренного мяса, хрустящей картошки, свежесваренного кофе. Прохладительные не пахли, но завсегдатаи знали, что «У Галины», как в Греции, имеется полный набор: от заморской «Кока-Колы» до русского кваса. Посетители усаживались за березовые столы, неторопливо переговаривались, лениво ругая жару, правительство и стремительно растущие цены на бензин.

Штаб бистро состоял из хмурого, вечно с «бодуна», повара дяди Вовы; его сына, двадцатилетнего смазливового блондинчика Вадима с неизменным плеером на шее и сотовым в кармане замызганного рабочего халата; любопытный стодвадцатикиллограммовой кассирши-бухгалтерши Тамары, добродушной, как большинство толстухек, и старенькой посудомойки-уборщицы бабы Кати. Все они жили неподалеку и помнили еще те времена, когда невзрачная одинокая горластая Галина не имела краснокирпичного коттеджа, напоминающего форт Байяр, и вишневой «десятки», а была обычной поварихой в придорожной забегаловке, полной мышей и тараканов.

Исключением была лишь официантка Анна, нанятая совсем недавно. Невысокого роста, с коротко стриженными темными волосами, ерошившимися непокорно и

своевольно, с подвижным, чуть скуластеньким личиком, золотисто-смугловатым от липнувшего летнего солнышка, слегка угловатая, как многие вчерашние школьницы, в модно-бесформенных легких голубеньких джинсах и широкой зеленой футболке с капюшоном, скрывающей упругую, достаточно развитую грудь, в закрытых ботинках на высокой платформе, – она больше походила на мальчика-тинейждера, нежели на восемнадцатилетнюю девушку, о каковых говорят обычно: «Красит юность...»

– Ну и мода пошла, – ворчал, глядя на нее, дядя Вова, – напялят черт-те че и ходят... Где парень, где девка – не разберешь. Анька, ну зачем тебе на коленках карманы?

– Чаевые складывать! – весело отшучивалась девушка.

– Че-во? Да ты еще сама приплатить должна...

– А? – спросил, не отрываясь от плеера, Вадим, лихо нарубавший салаты в такт звучащему в наушниках хиту.

– Бэ! – гаркнул отец. – Да сними ты свои затычки! Вот тоже еще придурок! Ничего не хотят: ни учиться, ни работать... Только чтоб деньги водились. И – по кабакам... Вот ты, Анька, скажи: ты школу закончила, че ты здесь забыла? Шла бы в институт какой, или техникум. Всю жизнь будешь с тарелками прыгать?

– Чего пристал к девчонке, – ответила за нее, высунувшаяся из-за кассы Тамара. – Замуж выйдет, ребенка родит. Нужен ей твой техникум!

– Ну, нет, – обиженно выпятив яркую пухлую губку, заявила Анна. – Не собираюсь я замуж, и дети мне вовсе ни к чему...

– Я ж говорю, – завелся дядя Вова, – им бы лишь по дискотекам...

– Не шуми, батя, – обнажив правое ухо, поиграл в воздухе ножом Вадим, запихивая в рот ломтик свеженарезанного огурца, – Негра убили, а он встал и пошел... Вот это я понимаю...

– Че-во! Какого негра?!

– Официантка! Работать будете сегодня?!

– Анют! – зевнула из-за кассы разомлевшая Тамара. – Второго ждут за четвертым...

– Бегу! – Анна подхватила поднос, неловко развернулась, зацепив локотком разделочный стол...

Бац! – Тарелка с румяным бифштексом, сдобренным радужным салатом, блеснув белыми боками, соскользнула вниз и, мелодично звякнув о бетонный пол, разлетелась на дюжину осколков.

– Балда безрукая! – дядя Вова завис над девушкой грозный, как Зевс громовержец. – Три тарелки за неделю! Скажу Галине – пусть увольняет к едрене фене!

– Простите... – поспешно присев, Анна покидала разрозненное содержимое в новую посудину. – Я больше не буду честное слово... – Она вскинула на сурового шефа огромные, разлетающиеся к тонким вискам глаза цвета пережженного миндаля, часто заморгав длинными, смешивающимися с густой темной челкой, ресницами, закусила дрогнувшие губки.

– Понабрали хрен знает кого... – пробурчал дядя Вова уже более миролюбиво.

– Растяпа, – прокомментировал Вадим, – «Корабли в моей гавани, не взлетим, так поплаваем...» – нож в правой руке дирижировал в такт очередному хиту.

– Идиот! – переключил праведный гнев на сына разъяренный повар.

– Ниче, – выплыв из-за опостылевшей кассы, сочувственная Тамара заполнила собой другую половину кухни. – Скоро полегче будет. Помощника нам дадут... – И многозначительно улыбнулась.

– Кого это? – обрадовалась перемене темы Анна.

Поведя маслянистыми плечами, не желая упускать возможности посудачить, кассирша открыла рот, но ее опередил дядя Вова.

- Вот тоже радость! От таких помощников подальше держаться надо...
- Да от кого?
- Парень новый должен прийти, не слыхала? – понизила голос Тамара.
- Нет, а что?
- «Я на воле не был сто лет...» – тенорком напел, щелкнув плеером, Вадим, отправляя в рот кусок помидора.
- Он сидел? – глаза-миндалины официантки сделались круглыми, как арбуз. – Зачем же его берут?
- А он хозяйкин племянник. Так что гляди, Нюрка! Пригласит на свидание – и фью! – оскалив зубы для придания лицу максимально зверского выражения, Вадим рубанул воздух возле шеи остро оточенным лезвием ножа, зловеще блеснувшего красновато-розовым отсветом помидорного сока.
- Пасть закрой! – побагровев, словно перезрелый томат, рявкнул на сына повар. – Надевай свои затычки! Анюта, – на его широком лице расплылась елейная улыбка. – Так и быть: я не скажу Галине, что та тарелки разбила, а ты – ни слова о том, что мы тут болтали, договорились?
- Я и так не собиралась стучать, – обиделась Анюта.
- Анька у нас – молоток, свой парень! – Вадим похлопал девушку по спине.
- Отвали. Спрячь грабли.
- Официантка!!! Я получу сегодня свой обед?!
- Да иду! Вот где нервные...
- И не говори! – всплеснула руками Тамара. – Будто мы автоматы!

– Я помню, он был хорошим мальчиком... Таким мягким, застенчивым... – тихо пробормотала баба Катя, убирая с пола салат. – Он нуждался в любви... Если бы она любила его, все было бы иначе...

– Кто она? – так же, чуть слышно, переспросила вошедшая Анна.

Но старенькая уборщица была глуховата и, как многие очень пожилые люди, разговаривала с невидимыми остальным людям призраками давно минувших лет, и, потому, не поняв вопроса, ничего не ответила...

Окончательное осознание успеха, обрушившегося на не молодую, с легким стальным отблеском седины голову, пришло к Риттеру Георгию Аркадьевичу, главврачу областной психиатрической лечебницы, когда позвонила Нина.

Поначалу он не понял, почему вдруг бывшая жена решила снизойти до неудачника – экс-супруга. Решил, по простое душевной, что, может, ей стало одиноко, нахлынули воспоминания... Как никак, восемнадцать лет брака, пускай не самого удачного, из жизни не выбросишь. Видимо, запомнил, по старости, что Нина Максимовна к сантиментам склонна не более телеграфного столба... Лишь когда она, будто вскользь, упомянула о предлагаемом контракте с крупнейшей немецкой фармацевтической компанией «Байер», все стало ясно, как формула аспирина. Георгий Аркадьевич сперва обиделся, даже немного рассердился: ответил старчески раздраженно, мол, ее это не касается. Трубку повесил. И уж после себя отругал: какие могут быть счета? То, что у Нины на первом месте карьера, жажда почестей и славы, на втором – тихий шелест купюр в элегантном бумажнике, а третьего не дано, ему стало известно в самом начале их брака. А это уже... Женился он почти в тридцать, а сейчас Георгию Аркадьевичу под шестьдесят... Какие тут обиды? Тем более, что нынешнему успеху он, волей неволей, Инне обязан более, чем кому-либо.

Он всегда знал, что станет врачом. Даже в том нежном возрасте, когда все мечтали быть пожарными или милиционерами. Впрочем, ничего странного в том не было: его родители тоже были медиками. Удивил их, возможно, и неприятно поразил выбор специализации: психиатрия. Тогда заболевания такого рода казались постыдными, нечистыми, отталкивающими, хуже сифилиса или проказы. Напрасно двадцатилетний студент Георгий доказывал, что некогда юродивые, душевно больные считались «божьими» людьми... Бога-то не

существует, равно как и души, а значит, нечем и болеть... Иногда доходили смутные будоражающие общественность слухи, что кого-то нашли в петле, или в ванной, наполненной темно-бурой от крови остывшей водой... Люди вздрагивали и, бормоча под нос не то проклятия, не то молитвы, старались как можно скорее позабыть об услышанном, из-за пронзавшего вдруг холодного ужаса не столько перед черным ликом смерти, для которого все равны, сколько перед чем-то непонятным, неизведанным, неподвластным законам простых, маленьких существ, гордо именующих себя венцами природы...

В десять лет Жорке нравилось общаться с соседским мальчиком Васей. Он был худощавым, сутуловатым, на голову выше Жорки. На губах его всегда играла какая-то виноватая улыбка, а ярко-синие глаза смотрели не по-детски серьезно, задумчиво, будто перевидал он за свои двенадцать гораздо больше, чем сверстники. Учился Вася в спецшколе.

- Для дураков, - поведали Жорке мальчишки.

Если Вася выходил во двор один, без мамы, ребята дразнили его, свистели кричали:

- Эй ты, дебил!

Вася не обижался. За него сердился Жорка.

- Сами вы дебилы! - вступался он.

- Да ты че, сам не видишь, что он «того»? - искренне удивлялись мальчишки. - Он же даже в войнушку играть не умеет!

Тот и впрямь не принимал участия в подвижных ребячьих играх, предпочитая ковырять палочкой в куче песка. Считать выучился только до десяти, а писал с грехом пополам печатными буквами. Но зато он умел рисовать...

С затаенным дыханием маленький Жорка разглядывал его картинки. Радужные звезды, огромные цветы, золотые рыбы в сиреновом море, которого он не видел никогда. На одном рисунке, на васильковом фоне - непонятные белые люди с крыльями.

- Это кто?

- Ангелы. Они живут на небе.

- Космонавты что ль?

- Нет. Ангелы. - и Вася вновь улыбался радостно и немного виновато.

Жорка был убежден, что Вася станет великим художником. Но все вышло иначе. Однажды душной летней ночью Вася тихо шагнул в темный проем распахнутого окна. На шестом этаже.

- Отмучился, - тихо сказала жоркина мама. - И мать его отмучилась. Теперь, может, хоть жизнь свою устроит...

Жорка заплакал. Эти слова показались ему несправедливо-жестокими. Вася ведь никогда никого не мучил, как соседский Пашка - котят.

- Может за ним прилетели ангелы? - вдруг озарила его догадка.

Родители посмотрели как-то очень странно. А затем весь вечер объясняли, что никаких ангелов в природе не существует. Что это просто выдумка. Плод больного воображения, рассказы неграмотных старушек...

В дверь постучали.

Георгий Аркадьевич вздрогнул, точно очнулся от сна. Провел ладонью по лицу, зацепив очки в старой роговой оправе, потер переносицу.

- Кто там? Входите, будьте любезны.

Александра Дмитриевна Литичевская приняла ванну с гидромассажем, накинула халат стального шелка с вышитой через всю спину длинноклювой птицей с широко распахнутыми крыльями. Птица была вышита вручную в одном из парижских Домов Моды, и халат по цене равнялся новой, с конвейера,

«девятке». Впрочем, все остальное, чем обладала супруга «короля черной и цветной металлургии», основателя корпорации «ЛИТ» по производству компьютерного программного обеспечения в Штатах, тоже было не из дешевых, включая двухэтажную московскую квартиру в тихом дворе элитного Центра со всей обстановкой – от сливного бачка – вершины пилотажа дизайнерского искусства до подлинника Рембрандта на стене в гостиной.

Умирующие орхидеи в пузатой, как кувшин, антикварной вазе, приобретенной на одном из аукционов «Сотби», источали омерзительно-удушливый запах крематория. Александра Дмитриевна поморщилась, проходя мимо. «Надо сказать горничной, чтобы выбросила». Она ненавидела экзотические цветы. Иногда ей до одури хотелось вдохнуть горький аромат весенней степи, сдобренный полынью, кашками, пряным клевером, лукавыми васильками...

«Mauvais ton»...[5 - дурной тон (франц.)]

Вкрадчивый июньский сумрак серым змеем медленно заползал в открытое окно спальни. Александра закрыла раму, включила напольный светильник, достала «Вог». Свет фонтанными струйками разбрызгивался по полутемной комнате.

Откуда ни возьмись, черный голубь зацепился лапками за карниз и, скосив красноватый глаз, клюнул алюминиевый стеклопакет.

– Кыш! – сказала Александра, постучав ногтем по стеклу.

Голубь поглядел пасмурно и недобро, потоптался и, тяжело, как курица, взмахнув крыльями, растворился во тьме. Александра вдруг явственно ощутила прикосновение острых коготков к своей выхолощенной массажами бархатной коже на груди и передернулась.

«Не к добру, – подумала тоскливо и тут же себя одернула: Разве ты дура деревенская – верить в idiotские приметы?»

За высоко чугунной оградой, оцетинившейся видеокамерами, за тройным кордоном охраны утонул в кружеве огней холодный город.

Как тебе живется, Золушка, когда позади сорок лет и ты уже давно не веришь в сказки? Не веришь оттого, что заканчиваются все они глупо и банально – свадьбой. А потом наступает реальность...

«Что это за цветы, Александра? Выброси их в ведро и закажи нормальные, в оранжерее ...»

Она никогда не любила этот дом. Сейчас он огромен и пуст, как Сахара. А когда-то был полон голосов. Они и теперь еще звучат, если прислушаться... И самый громкий – свекрови...

«Александра, выше подбородок! Улыбайся. Да не так, не заискивающе! Ты же не прислуга. Холоднее...»

«Держи спину прямо. Ты должна быть леди... Александра, тебе надо похудеть...»

«Когда ешь – оставляй немного на тарелке, иначе подумают, что ты голодна...»

«Вы можете описать вашу жизнь одним словом?»

Кто был тот умник-репортер, задавший вопрос? Она уже не помнит. Она не стала отвечать. Лишь улыбнулась. Холодно. Величественно. Как истинная леди. «Вог» так и назвал ее – «Леди Александра, женщина года». Но для себя она давно определила это слово – девиз последних двадцати лет, которые брали отсчет там, где заканчивалась сказка.

Соответствие. Элите старой, советской, и новой – демократической. Впрочем, какая разница, если неизменно содержание. Иерархия – самый древнейший из человеческих инстинктов, наряду с борьбой за выживание и продолжением рода. Античный амфитеатр: ложа для правителей, галерка – для простолюдинов. Ничто не изменилось за двадцать, тридцать, сорок веков... И вряд ли изменится... И во все времена доверчивые Золушки будут ожидать своих Принцев, которые заберут с галерки в ложу...

Фотография на столике. Старая, в деревянной рамке. Диссонансом к остальному, до мелочей продуманному дизайнером, интерьеру. Немодно. Не стильно. Чересчур просто. Mauvias ton... Единственное, что осталось от той жизни,

которая начиналась почти как в сказке...

...В маленьком провинциальном городке на берегу широкой гордой реки жили-были две сестрицы: одна – красивая, а другая – умная. Красивой была старшая, Марианна...

Год 1974.

Месяц май только клонился к середине, а все дожди, похоже, прошли. Солнце палило нещадно, и земля напоминала высохшую хлебную корку. Ожидались проблемы с урожаем...

Деревянный домик Звонаревых насквозь пропах прелыми овощами и жженой резиной. И если первый запах был естественен для огородно-поселкового быта, то второй, промышленный, приносила мать, работавшая на городском шинном заводе – гордости юга России. Шины поставлялись аж в самую Москву, в которой мало кто знал о существовании затерянного в степи городка, выросшего только вчера из села столь крохотного, что не нашлось для него места даже на карте. И уж вовсе никому не было никакого дела до существования немолодой работницы Евдокии Звонаревой.

Вся одежда матери насквозь пропиталась горелым резиновым запахом. Его источали ее волосы и смуглая, изъеденная степным солнцем и горячими песчаными суховеями кожа. Когда мать потела, запах становился еще кислее и ощутимее.

Когда сестры переступили порог, мать возилась на кухне.

– Девочки, – крикнула она, – Принесите воды!

– Шурка, сходи, – не останавливаясь, бросила через плечо сестра.

– Почему всегда я?

Сестра полуобернулась, приподняв в секундном удивлении ниточки-брови, нежная кожа вокруг которых еще хранила следы легкого покраснения от безжалостного пинцета.

– Потому что ты – младшая.

Спорить было бесполезно. Шура знала об этом и препиралась лишь для порядка, на всякий случай: а вдруг в Маньке проснется-таки совесть? Обычно ж балуют меньших...

Трах! – Дверь в комнату плотно затворилась за старшей сестрой, чья совесть, если таковая имелась вообще, продолжала крепко спать.

Вздыхнув, Шура взяла у матери ведро.

– Лето будет жарким, – проговорила мать не то дочери, не то себе самой, – горит земля... Она же живая, кормилица, ей тоже пить хочется...

В окно, вздыбив выцветшую занавеску, с воем ворвался свирепый сухой ветер, бросив на стол пригоршню серой пыли.

Когда Шура вошла в комнату, сестра, полулежа на своей кровати, в изголовье которой в немыслимом количестве красовались невесты откуда добытые Манькой вырезки из газет и журналов, – Софи Лорен, Бельмондо, Элизабет Тейлор, – красила длиннющие ногти потрясающим сине-зеленым лаком, изготовленным из толченого мела и стиренового у матери резинового клея.

– Ну как? – она помахала в воздухе растопыренными пальцами.

– Здорово, – вздохнула Шура, снова тайно позавидовав тому, что сестра пошла после восьмого класса учиться в ПТУ на бухгалтера, где правила не были такими строгими, как в школе. Шура же была почти отличницей, училась легко, с удовольствием. Но появившись она с такими ногтями на уроке математики, которую вел сам директор школы, – страшно даже представить выражения, что услышала бы она из его уст. Поговаривали, когда-то директор работал в колонии строгого режима и изъясняться умел виртуозно.

Исполнившись печальных размышлений, Шура нечаянно задела стоявшую на стуле сумку сестры, которая плюхнулась на пол, рассыпав нехитрое содержимое.

– Корова! – гневно сдвинула брови, встряхнув белокурыми локонами, старшая. – Собирай!

Присев на корточки, Шура подняла ручку, обкусанный карандаш, губную помаду, пудреницу, расческу и...

– Мань, ты что куришь?!

– Тише, не ори! – зашипела подскочив, сестра. Глаза, подведенные до висков зелеными стрелками, угрожающе потемнели. – Только скажи маме! Я с тобой разговаривать перестану, поняла? Рот закрой – муха влетит. И перестань меня называть меня этой дурацкой Маней. Меня зовут Марианна, ясно? Ма-ри-ан-на!

– Тогда и ты меня Александрой зови, – с вызовом сказала младшая.

– Погляди на себя в зеркало! – фыркнула Марианна. – Тоже мне, Александра! Тебя Фросей надо было записать или Лукерьей.

Шура не стала смотреть в зеркало. Она и так знала, что сестра права. Невысокая, полненькая, с семейкой веснушек на вздернутом носике, толстой русой косой ниже пояса, она уродилась в мать – простую местную казачку-крестьянку. Маньке-Марианне же повезло пойти в отца – высокого, белокожего, тонколицего, ясноглазого – проворовавшегося торгового работника, «мотавшего срок» на строительстве ГЭС. Он говорил, что когда-нибудь они всей семьей переедут в Ленинград, а мать противилась, мол, не сможет она жить вдали от степи и Волги... Спор этот разрешился сам собой, когда семь лет назад отец тихо скончался от аристократическо-зековской болезни – туберкулеза, в просторечье – чахотки...

– Шурка! – окликнула сестра.

– Что? – отряхнулась она от тягостных раздумий.

– Что ты думаешь делать, когда школу закончишь?

– Не знаю, – пожала плечами Шура. – Работать пойду, как все. А что?

– А то... – ясный взгляд Марианны сделался вдруг тяжелым, непонятно-колючим и каким-то чужим. – Я лично не собираюсь всю жизнь прозябать в этой дыре. Грязищи по колена, один клуб на всю округу с тошниловкой, где по бутербродам мухи елозят... А парни! Ты их рожи видела? Одно алкашье. Замуж не за кого выходить. Кем мы здесь станем? Протухшими резиной тетками? Старухами в тридцать? На всю жизнь останемся Манькой и Шуркой? Я не хочу такой судьбы, сестренка.

Пораженная, Шура опустилась на свою кровать, такую же, как у сестры, железную, с продавленным матрасом, только в изголовье – листочек с формулами по физике, для запоминания. Она никогда не видела Марианну такой прежде: с лихорадочным блеском прозрачно-зеленых глаз, с подрагивающими в азартном волнении полными розовыми губками и рваными пятнами румянца на тонких щеках.

– Я хочу поехать в Москву. – На вздохе продолжала Марианна. – В институт не поступлю, конечно – мозги у нас тебе достались. Работать утроюсь туда, где общежитие дают. А через год и ты школу закончишь. Тебе-то и вовсе, с твоей головой – сам Бог велел. Там же совсем другая жизнь, понимаешь? Улицы светлые, просторные, чистые. Кругом – огни. Магазины, кинотеатры, танцплощадки! Дома высокие... А мужики! Доктора, инженеры, ученые, знаменитости всякие...

– Ты, Мань, фильмов насмотрелась? – уныло сказала Шура. – А какие там девчонки, не обратила внимание? Они ж все с перманентом, в духах французских... И платья – не чета нашим. Кому мы там нужны? Ты-то хоть красивая, а я? Да и маму одну как оставить? Она и так после папиной смерти выпивать стала, а если еще и мы уедем... Да и что уж тут такого плохого? Город, как город, и люди разные, как везде. Думаешь, в Москве пьют меньше?

– Заткнись, дура! – пухлые губки Марианны злобно поджалась в куриную гузку. – Хочешь – оставайся, ишачь на вонючем заводе, ковыряйся в грязи, плоди нищету... А я все это в гробу видела! Жизнь один раз дается, ясно? А я-то тебя умной считала... Тупица деревенская. Подойди сюда, живо! – Марианна схватила сестру за руку, повыше локтя так, что отпечатались на золотистой коже красные следы от ее пальцев, подтащила к старенькому зеркалу на стене, едва не ткнув Шуру в него носом.

– Ну, гляди на себя. Внимательно. Какой дурак сказал, что ты – некрасивая? Глазищи – во! А волосы? Веснушки можно вывести, крем специальный есть, импортный. В нашей дыре, конечно, не найти, а вот в Москве... Нечего тебе здесь делать. Другая у нас судьба, ясно? Лучшая. Ты должна меня во всем слушаться, поняла? Потому что я старшая. И знаю о жизни то, что не написано в твоих дурацких книжках. Обещай, что будешь меня слушаться, – повторила еще раз Марианна. И было в ее голосе и потемневшем взгляде нечто, заставившее Шуру кивнуть головой и пробормотать безвольное: «Да». Как обычно...

Александра Дмитриевна выбросила в пепельницу окурочек. Высокий лоб, наряду с пепельной прядью, пересекло несколько усталых морщинок. Со столика дерзко и молодо улыбалась белокурая красотка.

– Я все понимаю, – глядя в прозрачно-зеленые неживые глаза, проговорила Александра. – Да, он выходит на свободу, а я ничего не могу поделать. Если бы Роман захотел мне помочь... Но он никогда не сделает этого. Ты же знаешь: он «повернут» на своей безупречной репутации. А жена Цезаря должна быть вне подозрений... Я не могу допустить скандала, иначе Роман разведется со мной... Но я что-нибудь придумаю, сестричка, обещаю...

Желая избавиться от укоризненно застывшего взгляда, Александра Дмитриевна щелкнула пультом плоского, как камбала, плазменного «Панасоника» и откинулась на шелковые подушки. Белозубая девушка из «Новостей бизнеса» СиЭнЭн восторженно сообщила о «сделке века», заключенной между японской «Као Корпорейшн» и концерном «ЛИТ»...

Суховатые губы Александры тронула саркастическая улыбка. Забавно узнавать об успехах собственного мужа с экрана телевизора или со страниц газет. Но ей было не привыкать к тому, что последние лет десять бизнес-маршруты Романа, напоминающие гигантскую паутину, окутавшую глобус, все реже пересекаются с перелетами Александры. И все-таки она не могла не испытывать невольного уважения, граничившего с бессильной злостью: этот сукин сын Роман всегда добивается своего. Всегда... Поразмыслив минуту, она решительно потянулась за телефоном и через несколько гудков услышала сдержанное: «Йе». Нечто среднее между английским «Yes» и немецким «Ja»[б - да —(нем.)] – сокращение, весьма популярное в западном мире. Александра вновь усмехнулась: «Скоро он забудет русский».

– Это я, дорогой. Надеюсь, не разбудила?

– Здравствуй, Шура. Все в порядке: в Йорке уже утро. Рад тебя слышать.

– Узнала из «Новостей» о твоём успехе. Поздравляю.

– Спасибо, дорогая. Ты откуда?

«С Бермуд...»

– Из Москвы.

– Неужели? Я думал, ты отдыхаешь где-нибудь на островах. Что ты делаешь в России? Передают, там страшная жара?

– Да, горят торфяники. Я думаю вылететь в Йорк, так что, может быть, завтра увидимся?

– Вряд ли, дорогая, – поспешно сказал Роман. – Сегодня я должен отправиться в Цюрих, уладить кое-какие дела с банком... Мне так жаль...

– Мне тоже, – усмехнулась Александра. В гробу она видела этот отвратительный Нью-Йорк с его кошмарными небоскребами. И, уж конечно, даже и не думала туда лететь. Зато Роман об этом не знает, и потому, дунет первым же самолетом как можно дальше... Заодно и от своей очередной штатовской потаскушки, с которой наверняка планировал покувыркаться пару дней... 1:0 в пользу Александры...

– Как Марианна?

«Молодец вспомнил. Правильнее было бы спросить: „Где Марианна? Где дочь твоя, Роман?“

– Не знаю. Я не видела ее больше месяца.

– Но она звонила?

- Звонила. И, между прочим, сказала, что тебе звонила тоже.

- Да? Ах, ну конечно...

- Тебе не кажется, что это уж слишком?

- Что?

- Что?! Восемнадцатилетняя девочка отказывается от престижнейшего университета, расторгает наивыгоднейшую помолвку, ничего не объяснив, исчезает в неизвестном направлении, даже не сняв денег со счета... А ты, ее отец, спрашиваешь «Что?» - Александра почувствовала, что ее «несет», но ничего не могла поделать, как всегда, когда разговор заходил о дочери.

- Не понимаю, что ты психуешь, - в голосе мужа послышалось раздражение. - Марианна достаточно взрослая для самостоятельной жизни. Во всем цивилизованном мире молодежь ее возраста перестает держаться за материнские юбки. К тому же, я считаю, что Марианне слишком рано выходить замуж за кого бы то ни было.

- Значит, я недостаточно цивилизована, потому что волнуюсь за дочь, - уязвленно сказала Александра. - А ты - образец современного родителя. И наверняка держишь ее фото в рамочке на столе, чтобы легче было узнать при встрече. Тебя ничего не интересует, кроме твоего идиотского бизнеса. Может быть, Марианна сейчас с каким-нибудь маньяком-шизофреником, вроде того, что убил мою сестру? Кстати, можешь порадоваться: это чудовище выходит на свободу.

- И что я в связи с этим должен делать? - сарказм в голосе мужа смешался со свистящим бешенством. - Бросить свой «идиотский» бизнес? Приехать в Россию и заняться отловом чудовищ, бродящих по улицам Москвы? Тогда, дорогая, тебе станет нечего жрать. Спасибо за теплое поздравление.

- Не за что, Роми, - сделав акцент на последнем слове, ехидно вымолвила Александра.

Роман швырнул трубку. Чертыхнулся, потом заматерился. Никому никогда не удавалось так мастерски выводить его из себя, как законной супруге. Настоящий, бесспорный талант. Особенно его взбесил американизированный эквивалент собственного имени, издевкой прозвучавший за тысячу миль. Так, по аналогии с фиджеральдовским Великим Гэтсби, полушутя-полусерьезно называли его партнеры по бизнесу. Так величала его пресса. И Фей...

– Твою мать! – повторил Роман, когда взгляд его невольно упал на фотографию дочери на столике.

– Проблемы? – очаровательная Фей Элиссон, перекатившись со спины на бок, коснулась пленительными губами его обнаженного плеча. Роман потрепал ее роскошную рыжую гриву.

Правду говорят: с молодой любовницей мужчина сбрасывает годы. Роману – пятьдесят, Фей – тридцать пять. Встречи их были нечастыми, но бурными, и после каждой Роману казалось, что он избавился от груза нескольких лет.

Познакомились они семь месяцев назад, когда первоклассный дизайнер Фей декорировала его новый офис на шестьдесят шестом этаже Эмпайр Стэйт Билдинг. Роман ценил все первоклассное.

Считается, будто американки избегают российских мужчин. Расхожее заблуждение, «фенька», запущенная тамошними феминистками. Русские сами неболюбливают западных бизнес-леди за их независимость, практицизм, честолюбие, свободные взгляды не сексуальные отношения, презрительно именуя «мужиками в юбках». Но именно эти качества в Фей и многочисленных ее предшественницах больше всего устраивали Романа. Бездуховна? Возможно. Да, Фей не ведет душещипательных бесед, не занимается бесконечным и бесполезным самоанализом, не читает Достоевского. Ни о чем ни просит, ничего не требует. Умна, самостоятельна, красива, сексуальна. Что еще нужно молодому, очень занятому, женатому к тому же, мужчине? Порой Роман ловил себя на мысли, что оценивает подругу как удачную сделку.

– Проблемы?

– Нет, все в порядке, – буркнул он, доставая портсигар.

– Твоя дочь очень похожа на тебя, – перехватив его взгляд, проворковала Фей, проведя коготками по его заросшей жестким курчавым волосом груди.

– Хорошо бы, если не только внешне... – он затянулся толстой сигарой, выдыхая в сторону от любовницы.

– Звонила жена?

– Да.

– У вас интересный язык. Надо будет попробовать выучить. Например, что значит «чу-до-ви-ще» – Она произнесла это слово, забавно исковеркав.

– Monster, – улыбнулся Роман.

Изумрудные глаза изумленно округлились:

– Вы с женой говорили о монстрах?

– Ага, – усмехнулся Роман, – и самый главный из них – любезнейшая Александра Дмитриевна...

– Ты снова говоришь по-русски, – огорчилась Фей. – Я ничего не понимаю.

– Тебе и не нужно, – он загасил сигару и чмокнул женщину в шелковистую шейку, – не засоряй голову. Давай-ка лучше выпьем кофе.

– А вдруг мне придется разговаривать с твоей дочерью?

Привставший с постели и потянувшийся за рубашкой Роман на мгновение замер, устремив на любовницу долгий внимательный взгляд.

– Марианна в совершенстве владеет тремя европейскими языками, – вымолвил он, – но я что-то не возьму в толк, когда и о чем ты собралась с ней беседовать.

Фей поняла, что допустила оплошность, и прикусила язычок. Она была умной женщиной и знала, что не следует опережать события. Это нервирует и раздражает мужчин. Ей нравится Роман, равно как и быстрорастущий мировой рейтинг концернов «ЛИТ». Ей тридцать пять, успех достигнут. Пора подумать о семье. Нельзя упускать такой шанс! Только надо правильно себя вести, не так, как его русская психопатка-жена, развестись с которой Роману не дает лишь отсутствие свободного времени да, возможно, чувство долга перед дочерью, которая, слава Богу, уже выросла... И если она, Фей, все будет делать правильно, недалек тот час, когда Роман сам поймет, что она куда лучше впишется в образ «миссис ЛИТ» и гораздо эффектнее станет смотреться на обложке «Вога», нежели его невзрачная чопорная Алекс...

С этими мыслями Фей приготовила крепкий ароматный кофе и, уютно устроившись в кресле напротив, промурлыкала:

– Тебе хорошо со мной, дорогой?

Роман утвердительно кивнул и, увидев, что его глаза потеплели, она решилась на второй вопрос:

– Ты совсем не любишь Алекс?

– Ее трудно любить, – Роман досадливо взъерошил жесткие смоляные волосы, тотчас вздыбившиеся на макушке непокорным панковским гребнем.

– Тогда зачем ты на ней женился? – осторожно выговорила Фей.

«Действительно зачем?»

Сколько раз он задавал себе этот вопрос долгими ночными перелетами Москва-Мельбурн-Нью-Йорк-Париж-Осака... Но уже после, спустя пять, десять, пятнадцать лет... А тогда...

Тогда был сладостный и пьяный май семьдесят девятого. И, как обычно, пролетая через матушку-Россию, он оттягивался напропалую, всерьез полагая, что «наши» девчонки в тысячу раз веселее, красивее, бескорыстнее «ихних». Он уже и не вспомнит, сколько было ребят и кто именно предложил поехать в

общагу МГУ, мол, девочки там – провинциалочки молоденькие, симпатичные и нетребовательные, за флакончик духов французских на все согласные... он тогда был слегка пьян, не сильно, конечно, чуть-чуть, все-таки за рулем... Разве все упомнишь? Столько лет прошло... Но вот ее он в тот вечер запомнил. Так, что и теперь – двадцать лет спустя – глаза закроешь – и вот, точно вчера...

Они столкнулись на входе. В дверях. Быть может, в любой другой день он и не посмотрел бы в ее сторону: маленькая, пухленькая, с немодной русой косой ниже пояса, толщиной в ладонь, курносый веснушчатый носик, губки, не тронутые помадой... Ничего особенного. Только его уже изрядно утомили вешалкообразные, изможденные диетами девицы в неестественных химических кудряшках а-ля пудель, с сине-зелеными «стрелками», за которыми и глаз не разглядеть, с сексуально-намалеванными ртами, после близкого общения с коими приходилось оттирать сорочки от ярко-розовых пятен, да от ароматов Шанель-Диоров голова трещала, как с долгого похмелья... А от нее пахло полынью. Дикими травами, нетронутой свежестью, горячим солнцем, вешними ливнями... Держалась она настороженно, не подступись. Хотел сразить ее наповал широким жестом, мол, поехали с ветерком на личной «Волге», в модную тогда «Прагу». А в ответ услышал: «Да пошел ты!»

Он и пошел. За ней. Как полный идиот. И когда заглянул в ее серые глазищи, вспомнился почему-то шолоховский «Тихий дон» с его гордой казачьей вольницей...

Она ему отказывала. Упрямо. Наотрез. И он, изнывая от желания, более сильного даже, нежели в семнадцать, всякий раз уходил распаленный, озлобленный до предела. Чтобы потом вернуться обратно. Тупой, безмозглый мазохизм. И ведь не мальчик был: двадцать девять. А ей – девятнадцать... Почему он тогда не взял ее силой? Иногда ему казалось, что она ждет именно этого. Но он не мог. Возможно, слишком силен был в нем фамильный «кодекс чести», воспитанный еще дедом, убежденным коммунистом, красноармейцем, исколесившем Азию вдоль и поперек, как товарищ Сухов из всенародно любимого фильма, и привезшим оттуда жену, которую едва ли не в карты выиграл и мог бы делать с ней что угодно, а сделал Литичевской. А однажды, в редком порыве откровенности, Шура с помертвевшим взглядом, от которого стыла кровь, рассказала о нелепой и страшной гибели старшей сестры. Год назад... Как же он мог после всего, что она вынесла, причинить ей новую боль? Тогда он был готов на все, лишь бы вернуть улыбку на ее побледневшие губы... Да, черт возьми, он просто ее любил. По-настоящему. Впервые в жизни. Почему сейчас он не хочет

себе признаваться в том, что тогда было яснее ясного? Он ведь помнит, как тряслись колени, когда он говорил ей об этом...

Все закончилось, как того и следовало ожидать, плохо. Свадьбой. Со стороны Шуры не было никого из родственников. Она сказала, что мать больна, и они навещают ее после. Это «после» состоялось спустя девять лет, когда пятидесятишестилетняя работница шинного завода Евдокия Звонарева скончалась от быстротечного рака. На похороны матери Александра Литичевская вылетела из Ниццы...

Надо отдать ей должное, Шура очень старалась. С тем же усердием, с каким прежде постигала сопромат на мехмате МГУ, в рекордные сроки освоила пару языков, манеры, этикет и азбуку тщеславия и великосветского лицемерия. А в снобизме превзошла и учителей – здесь ей просто не стало равных. Приемы-фуршеты-банкеты-юбилеи, прически и наряды, дни и ночи, слова и взгляды... Оглянуться не успел, а вместо славной пухленькой девчушки, подержаться за которую руки сами тянулись, похудевшая вполовину, вытравившая солнечное золото и аромат дикой степи, коротко остриженная пепельная блондинка с холодной улыбкой, царственной осанкой, благоухающая Парижем и модными дамскими сигаретами.

Наверно, он сам виноват. В глубине души он хотел и не хотел, чтобы она менялась. Хотел, оттого что должен был ввести ее в свой круг, где провинциальная простушечка, даже с МГУшным дипломом, смотрелась бы чудовищным диссонансом. А не хотел, потому что любил именно ту, непокорную веснушчатую девочку с русой косой ниже пояса, певшую под гитару с таким трогательным чувством:

– Из далека долго

Течет река Волга...

Он так и не сумел решить, кого – Шуру или Александру – ему выбрать. И потому малодушно самоустранился, предоставив ей возможность во всем разобраться самой. Она была умной девушкой. Очень умной. И сделала свой выбор...

А в постели у них гармонии не сложилось. Деятельная и энергичная днем, ночью молодая супруга была тиха и холодна, как покойница. Так, что и у него все опускалось. Лишь однажды, где-то в альпийских лугах, среди гадко жужжащих

мух и каких-то кусачих колючек, Александру вдруг «прорвало». Он сдуру пошутил, мол, зов природы? И сразу понял: напрасно. Шура крайне болезненно воспринимала все, касавшееся ее «простого» происхождения. Глупо, конечно. Сколько раз пытался ей втолковать... Бесполезно. Надулась и вновь заледенела...

А потом родилась дочь. Почему-то ему хотелось думать, что после того, альпийского, раза. Впрочем, какое это имеет значение. Александра сразу сказала: будет девочка, Марианна. Так и вышло. Но еще до рождения супругой был составлен план, вперед эдак лет на двадцать: где учиться, с кем водиться, за кого замуж выходить... Все его попытки доказать, что родившееся существо – живое, а значит, имеет право на свое мнение, наткнулись на жесткое, упрямое сопротивление. И, осознав их полную тщетность, он вновь самоустранился. Несгибаемый Великий Роми, мистер Лит, всякий раз пасовал перед холодным натиском леди Александры. А в том, что она – леди, перестали сомневаться к тому времени самые необоримые скептики. В конце концов, он плюнул и занялся работой. И только ею. И теперь от души позлорадствовал, когда, спустя восемнадцать лет, не сказав ни слова, принцесса Марианна взяла и растворилась в необъятности крошечного голубого шарика-Земли. Но иное мешало упиться этим чувством до конца: сам он тоже не знал ответа на вопрос: «Роман, где дочь твоя ...?»

Вот, если бы спросили сумму ежемесячного дохода, приносимого любым из филиалов «ЛИТ»? или сколько тонн черных/цветных металлов экспортировали на прошлой неделе... Подними среди ночи – без запинки. А здесь... Александра права: Марианна и впрямь как-то звонила... Он забыл поинтересоваться откуда. И зачем... Когда это было? Неделю назад? Месяц? Его память обладала одним удивительным свойством: все, не связанное с бизнесом, просеивалось, будто через сито, исчезая в небытии.

«Роман, где дочь твоя?»

Черт возьми, да ничего с ней не случится. Ей уже восемнадцать. Неглупа. Кажется... И может снять деньги со своего личного миллионного счета в любое время дня и ночи. А это – панацея от всех бед. Так что пусть Александра катится куда подальше и не мешает работать. И зачем только он женился на ней?!

В прозрачно-зеленых глазах Фей томились любопытство и выжидание. Но, задав этот безобидный вопрос, она невзначай не только наступила на любимую мозоль, но перешагнула невидимую, но вполне осязаемую грань допустимого. Капризная, холодная, невыносимая Александра была его женой, матерью его дочери. И этой стороны жизни, пусть не самой удачной, он не позволял касаться никому: ни партнерам, ни журналистам, ни Фей. И потому, нахмурив брови, он решительно поднялся.

– Извини, детка, мне пора.

– Как? – озадаченно протянула Фей. – Ты же сказал, что у тебя есть пара дней, и мы проведем их вдвоем, Роми?

При последнем слове Роман вздрогнул, точно его хлестнули плетью вдоль спины.

– Мне жаль тебя разочаровывать, но планы переменялись. Я срочно должен вылететь в Цюрих. Увидимся, – он улыбнулся, но холодно, отчужденно.

Пока Фей одевалась, он, отвернувшись к окну, звонил по телефону. От злости она была готова разодрать новенькое, приобретённое специально «на случай» за бешеные деньги «Валентиновское» (чем я хуже Алекс?!) платье на мелкие клочки. Она вновь сделала ошибку.

– Кто там? Входите, будьте любезны!

– Это всего лишь я. Вы заняты?

– Нет-нет, заходи, садись, – Георгий Аркадьевич неловко поднялся, смахнув со стола какую-то бумагу.

Вошедший быстро нагнулся, поднял, виновато улыбнувшись.

– Садись, – сказал Георгий Аркадьевич, едва ли не силой вдавливая вошедшего в кресло, слишком просторное для его худощавой, сутуловатой фигуры. – Хочешь чаю?

– Нет, спасибо.

– Завтра дома будешь пить, – сказал пожилой врач, ощутив непонятную грусть. – Видишь, я обещал, что ты выйдешь... Марк, ты свободен... – Он запнулся, неловко снял очки, потер переносицу, водрузил их на прежнее место... Почему-то с особенной силой ощутил вдруг свой возраст и одиночество. Глупо привязываться к чужим людям... Но не более, чем, прожив жизнь, засиживаться на работе до наступления ночи, оттого что дома никто не ждет...

– Георгий Аркадьевич... – человек, сидевший в кресле, разглядывавший свои длинные тонкие пальцы, поднял голову, и в его пронзительно-синих глазах отразилась вдруг горечь и затаенный испуг. – Мне страшно, – прошептал он сдавленным голосом.

Пожилой врач присел рядом, на кожаный подлокотник, положив ладонь на плечо пациенту.

– Я понимаю тебя. Мне тоже было страшно, когда я начинал проект. Не знал, за что взяться, что из всего этого выйдет. Страх перед неизвестным – древнейший из человеческих инстинктов. Он естественен для нормального человека. Он пройдет, когда ты поймешь, что все в порядке.

– Вы думаете, у меня получится?

– Я уверен. Ты ведь доверяешь мне как специалисту?

– Конечно.

– Все будет хорошо.

– Хорошо уже никогда не будет, – человек, сидевший в кресле, снова низко нагнул голову, сцепив пальцы так, что хрустнули суставы.

– Перестань! – Георгий Аркадьевич проворно вскочил, встряхнул собеседника за плечи. – Марк! Будь же мужчиной, черт побери! Тебе всего тридцать девять, и Бог дал тебе возможность начать новую жизнь. Или ты прошел через этот ад, чтобы остаться в нем навсегда?

Марк покачал головой.

– Я тебе вот что скажу. Сперва не хотел, но решил, что ты должен знать. Тот вечер, пять лет назад, когда ты все вспомнил... И спросил у меня, как тебе жить дальше с этим...

Синие глаза озарились задумчивым мягким светом.

– Вы тогда взяли меня в город. Впервые. Под личную ответственность.

– Ага, и ты чуть не упал в обморок, увидев ту огромную рекламу «Мальборо»... Георгий Аркадьевич растопырил руки и пропищал: «Что, мировой империализм победил?»

Марк фыркнул, загородив ладонью с растопыренными пальцами залившееся румянцем лицо.

– Так вот, посерьезнев, веско проговорил врач. На следующий день я отправил в Москву ходатайство о твоём освобождении. И с тех пор повторял каждые полгода. В течение пяти лет. Но получал отказы.

– Вы хотите сказать... – потрясенно пробормотал сидящий в кресле, что со мной все в порядке уже давно... Но тогда почему...

Георгий Аркадьевич помассировал затекшую переносицу, тяжело вздохнул и, подойдя к столу, вытащил из ящика глянцевый журнал «Вог». С обложки обаятельно улыбалась элегантная дама лет сорока – платиновая блондинка с глазами цвета мокрого асфальта. «Женщина года – Александра Литичевская».

– Не узнаешь?

– Нет, – покачал головой Марк. – А должен?

– Ее девичья фамилия Звонарева.

– Господи, Шурка? – Марк выхватил журнал, с изумленной улыбкой вгляделся в полузабытое прошлое. – Потрясающе... Она так изменилась! Ни за что бы не узнал... И волосы перекрасила... У нее была такая толстенная коса, цветом чуть светлее моих, – он взлохматил макушку, тотчас опавшую густыми каштановыми волнами. – Значит, она живет в Москве?

– К счастью, не только, – усмехнулся Георгий Аркадьевич.

Марк не уловил горькой иронии в его словах.

– Мне почему-то казалось, что она вернется обратно. Она так красиво рассказывала о том, как розовое солнце садится по вечерам в золотой океан степи...

– С розовыми закатами покончено, – сказал Георгий Александрович. – Ее муж – известный в мире бизнесмен, миллионер. Литичевская спонсирует уйму зарубежных фондов. «Женщина года»...

– Значит, она может помочь в финансировании ваших исследований?

– Да, она предлагала свои услуги. С одним условием: чтобы ты остался в этих стенах до конца дней.

Пестрый журнал, мягко прошелестев, плавно выскользнул из разжавшихся пальцев, скользнул вниз и остался лежать на темно-буром ковролине, мертвыми крыльями распластав глянцевые страницы.

– И что же Вы? – прерывающимся шепотом спросил Марк.

Георгий Аркадьевич резко выпрямился, толстые линзы воинственно сверкнули.

– За кого ты меня принимаешь?! – выкрикнул он высоким тенором, переходящим в фальцет. – Я – врач, а не какой-нибудь дикарь, чтобы приносить человеческие жертвы! Да спасение целого мира ни черта не стоит, если ради этого требуется загубить чью-то жизнь! Все эти годы мы прекрасно обходились без денег Литичевско́й, переживем и сейчас. Есть и другие возможности...

- Простите... Я не хотел Вас обидеть. Простите, пожалуйста.

- Ладно, - мгновенно остыл Георгий Аркадьевич, - чего там...

- Я просто думал: у нее есть право вести себя так... - Он низко нагнул голову, сцепив пальцы на затылке.

- У нее есть деньги. А в нашей стране, к сожалению, это куда больше, чем право... Ты был невменяем, а она, находясь в полном уме и здравии, вершит самосуд. Разве это нормально? Но хватит. Дело получило огласку. К счастью, муж этой леди - человек с безупречной репутацией, и очень этим дорожит. Он не связан с криминалом и не позволит жене ввязаться в дурно пахнущий конфликт, в ходе которого могут всплыть не самые приятные сведения из семейной биографии. Так что скоро она вернется на Запад, где и жила последние годы. Этот мир достаточно велик, чтобы разместиться вам обоим.

- Я надеюсь... - Еле слышно промолвил человек в кресле.

- Вот. - Вздыхнув, врач отпер сейф, достал прозрачный пузырек с голубоватыми шариками и протянул собеседнику. - Если вдруг почувствуешь себя скверно. Не больше двух... Вообще, я не имею права этого делать... Препарат подлежит строжайшему контролю. Как наркотик. Но я тебе доверяю.

- Спасибо...

- И звони мне в любое время.

- Хорошо.

- Дать снотворное на эту ночь?

- Не надо. Спасибо Вам. За все...

Оставшись в кабинете, Георгий Аркадьевич подошел к окну. За железными боками теплиц возвышался желтый забор. Сразу за ним - шоссе, а далее лес, но их невозможно было видеть из-за этой стены, пролежавшей между, - словно

железный занавес, граница двух миров...

Брак с Ниной, не удавшийся с самого начала, с течением времени переродился долгоиграющую пытку. Он всегда мечтал о детях – куче ребятишек. Она же не могла родить после перенесенного когда-то в юности аборта. Впрочем, Нину это обстоятельство нисколько не угнетало. Пройти курс лечения она отказалась наотрез. С блеском защитив кандидатскую, взялась за докторскую. Закрытые для всех границы чудесным образом утрачивали свою неприступность перед сотрудницей Института судебной медицины Ниной Риттер. За достаточно непродолжительное время она сумела облетать полмира, побывав на всевозможных симпозиумах, конференциях и просто в очередных отпусках.

По выходным Нина принимала клиентов. Перед их подъездом, пугая запыленных бабушек, тормозили черные «Волги» с синими стеклами и скучающими водителями в кожаных куртках. Выходили солидные дядечки в дорогих костюмах, дамочки в меховых мантиях с печатью заботы на умело накрашенных личиках. С ними Нина была само очарование. Перед ее лучезарной улыбкой меркли голливудские звезды.

Но стоило входной двери закрыться за последним визитером, как прелестная докторша преображалась точно по мановению волшебной палочки. В муже ее раздражало абсолютно все: очередное кофейное пятно на манжете сорочки, чайная ложечка, которая почему-то вечно выскользывала из его пальцев, маниакальная забывчивость, когда, отправившись по магазинам, он непременно хоть что-нибудь – пачку масла, кефир, морковку, – все же умудрялся упустить из виду. Привычка вечно все разбрасывать или терять. Дурацкая улыбка. Неумение заводить нужные связи. Он старался как мог, но проклятые ложечки, как назло, все падали и падали, в походах за покупками не помогал даже блокнотик с записями, а однажды в метро у него вытащили кошелек с зарплатой... И всякий раз Нина убеждалась, что ее супруг – недоумок и полный кретин. Не спасло даже неожиданное назначение на освободившуюся должность главврача областной лечебницы, где Георгий работал с момента распределения. Возможно, Нина приложила к этому руку. Но безмозглый муж вместо того, чтобы научиться извлекать из нового поста максимум пользы, зачем-то принялся благоустраивать клинику, разводить теплицы, требовать ремонта и нормального питания для пациентов, с пеной у рта доказывая в вышестоящих инстанциях, что больные – тоже люди. А еще он всеми правдами и неправдами выклянчил где-то списанное оборудование и с группой таких же придурков-единомышленников занялся какими-то идиотскими экспериментами...

Георгий мучился тем, что мучает Нину, в глубине души задаваясь вопросом: почему она не разводится с ним? Они уже давно жили в разных комнатах, и Нина в свои сорок пять выглядела на тридцать четыре, а Георгий в пятьдесят – на все семьдесят... И все же она оставалась, ежечасно отравляя существование ему и себе, видимо, находя в том непонятную радость. Почему он продолжал это терпеть? Из-за невыявленного мазохизма? Инфантильности? Малодушия? Или от того, что, несмотря ни на что, продолжал находить Нину привлекательнейшей из женщин и в те редкие моменты, когда она по-королевски снисходила до близости с законным супругом, он, задыхаясь от счастья, продолжал наивно верить, что все еще можно изменить к лучшему? Сапожник без сапог... Специалист в области психиатрии, врачевавший чужие души, он был бессилён разобраться в своей собственной...

И все-таки она подала на развод. Однажды слякотным зимним вечером, за чашкой кофе будничным тоном сообщила о своем намерении разойтись, а заодно и разделить двухкомнатную квартиру в центре Москвы, оставшуюся Георгию от родителей. Он не стал возражать и вскоре переехал в область, поближе к работе, выменяв Нине неплохую «двушку» на Университете, которую она вскоре превратила в «трёшку» в Крылатском... Но это было намного позже. А тогда...

Георгий Риттер начал хождение по инстанциям. В каждом кабинете он доставал пеструю папку с формулами и выкладками, из которых следовало, что они с помощником-коллегой, доктором Захаркиным Михаилом Юрьевичем, сумели-таки сделать то, что до них не удавалось никому – синтезировать новый препарат, дающий, предположительно, высокий процент излечения от... Убеждал, доказывал, расписывал цепочки реакций... Оставалось самое главное: лекарство должно было быть опробовано, но не на кроликах и морских свинках...

Товарищи от высокой медицины сочувственно выслушивали его горячие доводы, скептически покачивая головами:

– А что будет, если каждый врач станет кормить людей изобретенными и лекарствами? Для работы с человеческим материалом основания должны быть очень вескими, уважаемый коллега...

Георгий Риттер ненавидел это словосочетание – «человеческий материал». За ним скрывались искалеченные судьбы, заплаканные глаза родственников пациентов: «Мы подпишем согласие на любой эксперимент – вдруг поможет...» Конечно ему было страшно. А кому не было? Ведь люди не кролики... Но он

действительно верил в успех. Не подозревая того, что после его ухода из очередного кабинета, высокопоставленные коллеги крутили пальцами у висков, с сожалением констатируя, что работа в подобных заведениях наносит свой отпечаток...

Гора отказов росла, как злокачественная опухоль. Получив очередной, Георгий Аркадьевич в который раз шлепал по столу увесистой папкой:

- Ну все. С меня довольно.

- Вы не правы, - возражал коллега-соратник, молоденький врач Миша Захаркин. - Завтра будет новый день. Давайте обратимся в...

Помощь подоспела, как всегда, откуда менее всего ожидалась.

Нина, до сих пор наблюдавшая за метаниями супруга с презрительным скептицизмом, спросила однажды:

- Не пойму, чего ты хочешь?

Георгий остолбенел, поскольку жена давно перестала воспринимать его всерьез. Но, проглотив обиду, рискуя в очередной раз быть высмеянным, принялся объяснять.

- Короче, - усмехнулась Нина, - Ты хочешь опробовать таблетки на своих шизиках? Только-то! Давай сюда бумажки.

Через пару дней доктор Риттер формировал экспериментальную группу. На дворе стоял апрель 1993-го.

А шестнадцатью годами раньше, в сентябре семьдесят восьмого, Нина прозвонила к нему в кабинет, произнесла отрывисто, деловито, без предисловий - в своем стиле:

- Парня одного к тебе пришлю. Ваш контингент.

– И что он натворил?

– Подружку прирезал, после вскрыл себе вены, но его удалось спасти. Это согласно заключению экспертов. У него самого полный провал.

– Не симулирует? – осторожно поинтересовался Георгий Аркадьевич.

– За кого ты меня держишь?! – возмутилась Нина. – Я, по-твоему, не отличу психопата от уголовника? Принимай. Из близких родственников одна тетка. Можешь считать, он ваш не веки.

– Сколько ему лет? – почему-то спросил Георгий Аркадьевич.

– Восемнадцать, а что? Какая разница!

«И правда – какая?»

Через пару часов позвонили из приемного. Он спустился. В коридоре двое дюжих конвойных в милицейских формах, посмеивались, лузгали семечки и травили анекдоты из серии «Приехала комиссия в дурдом...» Возле них, опустив голову, стоял худенький паренек, почти подросток, чьи запястья поверх бинтов были скованы наручниками. Георгий Аркадьевич принципиально не носил халата, считая, что вовсе ни к чему лишний раз подчеркивать, что он – врач, а все вокруг – больные. И потому ему пришлось объяснять милиционерам, кто он такой. После чего один из охранников встряхнул паренька в наручниках за шиворот и сказал:

– Вот этот.

– Я понял, – резко произнес врач. – Наручники снимите.

– Не положено, пока бумаги не заполните, – возразил конвоир. – Вот как будет ваш – снимайте, что хотите. Он же убийца, это Вы поняли?

Парень втянул голову в плечи, упрямо продолжая разглядывать шашечки орнамента на бетонном полу.

– Ну, здравствуй, – обратился к нему Георгий Аркадьевич.

Тот поднял голову, и у Георгия Аркадьевича захолонуло внутри: на него испуганно смотрели полные невыплаканных слез пронзительно-синие глаза из далекого детства...

Александра Дмитриевна в бешенстве швырнула трубку на столик.

«Ну вот, опять сорвалась... Так нельзя. Надо держать себя в руках. А то недолго и до развода...»

Заныл левый висок, предупреждая о скором приступе мигрени. Александра, прикрыв глаза, откинулась в шелковые подушки.

Разведенный мужчина, тем более Роман, и в пятьдесят – завидная партия. А вот женщина, оставшаяся одна после двадцати лет брака, вызывает жалость с легкой примесью презрения. Даже если у нее – миллионы. Это будет лишь поводом для «слета» прощелыг-жиголо в поисках скорой поживы... Александра не желала быть ни жалкой, ни униженной. Не для того она насильовала себя, по капле выжимая из крови провинциалку Шуру Звонареву, рождаясь заново в Александре Литичевской. Играла в опостылевшую благотворительность, таскаясь по приютам и хосписам. Там. На Западе. И не напрасно: это именно ее, а не какую-нибудь новорусскую выскочку, что коверкает слова, не умеет пользоваться ножом и вилкой да одевается как на панель, снимают для «Вога» и «Офисьель». Это она, Александра Литичевская, – женщина года. Она заслужила эту роль. Она ее заработала. И не отдаст никому. Роман может шлаться, где, с кем и сколько ему вздумается. Но его законной супругой, «миссис Лит», первой леди российского бизнеса останется Александра.

«Господи, ну где же дочь? Почему не звонит? Неблагодарная избалованная девчонка... Только бы с ней ничего не случилось...»

Год 1977. Ноябрь.

Из окна общежития Московской чулочно-носочной фабрики была видна узенькая слякотная улочка да серая обшарпанная стена вагоноремонтного завода, на

которой кроваво-красным пятном выделялся кусок ткани, закрепленный на древке. Знамя немилосердно трепал промозглый северный ветер.

После аборта Марианна тяжело приходила в себя, трясась в ознобе, бредила. Шура укрывала ее одеялами, принесенными соседками по общежитию, которые хранили сейчас понимающее молчание. Почти каждая из них, маленьких провинциальных Золушек, прилетевших в поисках счастья в чужой холодный город, прошла через это испытание: ужасную боль, рвущую живую плоть, ледяное презрение докторов, пьяную брань санитарок... Вот только сказочная фея почему-то не торопилась появляться...

По отсыревшей стене затхлой плесенью сползал грибок, а из трещин вздыбившейся штукатурки в темноте выбирались на ночной вояж мохнатые пауки, омерзительный рогатые мокрицы. За окном посыпался мелкий мокрый снег...

Ступая тяжело, как тельная корова, в дверь протиснулась комендантша тетя Зоя.

- Одиннадцать скоро. Шурка, у вас, университетских, своя общага.

Шура подняла заплаканные глаза.

- Сестре плохо. Разрешите мне остаться сегодня, пожалуйста.

- Не положено, - отрезала комендантша. - Не помрет твоя Марьяна. Подумаешь, поскребли немного. Сегодня - она, завтра - ты, - и, перехватив полный ужаса взгляд девушки, добавила, усмехнувшись: - Дома надо было сидеть. Несут вас черти, как мух на говно. Все думаете принца словить. А их уж нету давно. Давай, шагай на выход.

- Иду, - всхлипнула Шура.

- Эй! - поманила ее из-за угла марианнина соседка, - «треха» есть? Дай.

Она проворно выскользнула за тетей Зоей и тут же вернулась обратно.

– Порядок, оставайся. Всему тебя учить... В университетах этого не проходят, а? Жить-то как здесь будешь?

Ближе к полуночи Марианна очнулась. Обвела комнату прозрачным взглядом, попросила воды. Шура подала и, не выдержав, заревела.

– Шурка, ты чего?

– Я боялась: ты умрешь...

– Дурочка...

Шура заплакала еще сильнее, уткнувшись в подушку сестры. Тонкая рука с обломанными ногтями непостижимого сине-зеленого цвета коснулась ее мягких русых волос.

– Все нормально, ну что ты... Выше нос, сестренка. Мы еще им покажем...

– Маня, Манечка, давай вернемся домой! Как там мамка одна? У нас еще тепло... А здесь мы чужие, и нам все чужое...

Красивое измученное личико сестры перекосила злобная гримаса.

– Ты дура, Шурка, – отчеканила она свистящим шепотом, – Не для этого я прошла через этот ад, чтобы заявиться обратно, в деревню. Да на нас там все пальцами станут показывать. Я еще завоюю этот проклятый город! – На мгновение Марианна прикусила губу и прикрыла глаза, пережидая накатившую острую боль. – А ты запомни: все мужики – сволочи. Кобели поганые. Им одно от тебя нужно. Попользуются и ноги вытрут, как о тряпку половую. Не «давай» никому, поняла? Пусть сперва женится. Только так своего добьешься. Обещай.

Шура покорно кивнула, подоткнув под сестру одеяло. А затем, примостившись с краю, неотрывно глядела на серую стену. Из рваной раны штукатурки выползла робкая мокрица. Но девушка ее не видела, потому что перед ней раскинулись вдруг, насколько хватило дыхания, заливные луга с весенней травой, желтой от сока и вдалеке – Волга, нестерпимо-синяя от опрокинувшегося в ее мягкие волны шелкового майского неба, прозрачного, как утренняя роса.

Телефонный звонок вырвал Александру из дремотного оцепенения.

- Мама, я тебя разбудила?

- Марианна! Где ты?

- Не волнуйся, у меня все в порядке.

- Да где ты находишься, черт побери?!

- В Санта-Барбаре...

Из-за оконной решетки в палату тоскливо глядела арестованная луна.

- Значит, завтра выходишь? - шепотом спросил Марка сосед, тоже участник эксперимента, попавший в больницу после Афгана.

- Да.

- Не боишься?

- Чего?

- Того, что там. Двадцать лет взаперти - не шутка.

- Двадцать один.

- Тем более... Жизнь не стояла на месте. Там теперь все иначе. И мы наверняка будем там изгоями. Я где-то читал, что зеки долго пробывшие за решеткой, выйдя на волю, через некоторое время чаще всего возвращаются обратно, в зону. В свою привычную жизнь, параллельную той, понимаешь? Там - один мир, здесь - другой. А мы сейчас застряли где-то «между»...

– Я не вернусь сюда. Лучше умереть на свободе.

– А где она, свобода? Свободны те, кто считают себя Наполеонами, ибо живут в своем собственном мире, который принадлежит только им, весь, без остатка, где им нечего и некого бояться... Но они здесь. А там? Свободен миллионер, трясущийся за свои деньги и шкуру? Свободен бедняк, сидящий на хлебе и воде до следующей пенсии? Я воевал за чью-то свободу, да только за чью?... Ты думаешь, что единственная преграда между нами и настоящей свободой – это забор?

– Не знаю. Это слишком сложно.

– Ты считаешь себя дураком? Напрасно. Я скажу тебе одну вещь: можно быть сумасшедшим, но не идиотом. А можно – абсолютно нормальным придурком. Ты ведь был абсолютно нормален, пока не попал сюда? Где эта грань между нормой и безумием? Ты ведь здесь из-за женщины? Значит, из-за любви...

– Нет, из-за убийства.

– Тогда бы ты просто отсидел в тюрьме и давно вышел. Значит, из-за любви...

– А ты?

– Из-за ненависти. Мне дали автомат и отправили убивать людей, которые ничего мне не сделали. И я возненавидел их за то, что они ничего мне не сделали, а я должен их убивать... А потом возненавидел и себя за то, что ничего не могу поделать... Эй, ты что, заснул?

Марк не спал, но молчал, закрыв глаза. Он не хотел больше разговаривать, потому что от этого становилось только хуже и страшнее...

Год 1972. Октябрь.

Дети могут быть жестоки. Но лишь потому, что таковы окружающие их взрослые. Дети невинны. Их маленькие рты повторяют то, что произносят большие, сильные, авторитетные люди, которые отчего-то забывают, что за каждым их словом и действием внимательно наблюдают любознательные и

вдумчивые детские глаза...

Из всех школьных предметов Марк Ладынин больше всего любил музыку, только по ней и имея твердую «пятёрку». Неопределенного возраста, добродушный, частенько с похмелья, учитель по прозвищу Баян не переставал удивляться, как мальчишка, не знающий, что такое ноты и с чем их едят, сев за раздолбанное пианино, в считанные минуты мог воспроизвести произведение любой сложности, а то и вовсе изобразить что-нибудь эдакое, отчего у взрослого дяди начинало щемить внутри, а в горле застревал невесть откуда взявшийся комок.

– Талант, – проговорил он однажды, погладив мальчика по волнистому затылку, – Вырастешь – будешь великим музыкантом.

– Ага, как его папаша, который в луже спяну утонул. Или вором, как мать, которая его бросила!

Это произнес с насмешливым презрением хорошист, гордость класса, сын главного инженера большого московского завода «Хромотрон», чья семья вот-вот должна была перебраться в город. Классный лидер обладал непомерным честолюбием, не переносил соперников ни в чем и люто ненавидел всякого, кто в чем-то его превосходил. Особенно этого придурка, с тупой покорностью сносившего все пинки и затрецины, как в прямом, так и в переносном смысле.

Губы и кулаки Марка сжались, глаза заблестели. Среди одноклассников воцарилось напряженное молчание. Дети замерли в ожидании зрелища, готовые в любой момент поднять или опустить оттопыренные большие пальцы, вынося гладиаторам свой приговор. Простодушный Баян продолжал распинаться то ли о Шумане, то ли о Шуберте, что для шестого «А» было однохреново. Наивный несостоявшийся музыкант искренне полагал, что ребяташки, затаив дыхание, слушают его и музыку, но на деле класс внимал лишь зловещим электрическим паузам меж аккордами.

«Если на тебя будут жалобы – отдам в интернат...»

Марк не хотел в интернат. И не понимал, почему этот парень, у которого есть добрые мать, и отец и даже большая собака, постоянно цепляется к нему, Марку, оскорбляя и унижая. Что он ему сделал? Может быть, в жизни всегда так: кто-то – победитель, а кто-то – жертва?

Марк разжал кулаки и тихо спросил:

– Извините, можно выйти?

Зарешеченная луна медленно растворилась в предрассветном тумане, уступая место розовому светильнику-солнцу.

Глава 2

Телефонный звонок вывел Романа из сладкой дремоты на высоте около двух тысяч метров над поверхностью земли. Некоторое время он недоуменно моргал, все еще пребывая в состоянии полусна-полуяви, не сразу вспомнив, где находится. За овальным, задрапированным темно-зеленым плюшем иллюминатором личного самолета, на белоснежном боку которого значилась синяя аббревиатура «ЛИТ», в сером небе плыли густые ватные хлопья.

Роман откашлялся и, придав голосу нужную холодную твердость, произнес:

– Слушаю.

– Роман, здравствуй, Артем Марцевич беспокоит.

Яркие, спекшиеся от сна губы бизнесмена скривились в саркастической усмешке. Невидимый собеседник мог представиться кем угодно, хоть султаном Брунея, но дребезжащий, с легким придыханием тенорок, вылетавшие, как из пулемета фразы, точно говоривший боялся не поспеть за мыслью, могли принадлежать только одному единственному человеку Артему Марцевичу, вчерашнему мелкому торговцу без рода и племени, нынешнему крупнейшему новому российскому бизнесмену, держателю нефтяных скважин, особе, вхожей в высочайшие политические круги, чье непомерное честолюбие, жажда денег и власти не знали границ. На тернистом пути к огромному богатству Марцевич не гнушался ничем: ни выгодными браками, ни сомнительными махинациями, ни полууголовными аферами, ни братанием с криминальными авторитетами, ни лобызанием властьпредержащих задниц. И не только не пытался этого скрыть, но и усиленно кичился своей клизменной ролью, чем вызывал у брезгливого

Романа стойкое отвращение. Да и не у него одного, поскольку, несмотря на обширные связи и огромные капиталы, официальный деловой Запад упорно не желал иметь никаких дел с новым российским коммерсантом, а буквально в последний месяц Швейцария ухитрилась наложить арест на пару счетов Марцевича в одном из женеvских банков.

Как-то раз Марцевич уже набирался наглости и просил у Романа поддержки, зная, что слово «мистера ЛИТ» в Западном деловом мире имеет влияние гораздо большее, чем даже официальное обращение Кремля. Но, естественно, получил вежливый отказ. И сейчас Роман досадливо сморщился: за каким делом Марцевич снова его допекает? Видимо, не умеет ценить вежливость...

– ...Артем Марцевич беспокоит.

– Слушаю.

– Хочу тебя поздравить. Контракт «ЛИТ» с «Као» – это потрясающе! Искренне восхищен.

«Да что ты? Называется: был бы повод. Ох, и прохиндей! Сразу видно: бывший лавочник».

– Благодарю.

– Как поживает Александра Дмитриевна?

«Не твое свинячье дело. И что мешает так ответить? Только ли воспитание?»

– У нее все хорошо.

– А дочка?

– Что «дочка»?

– Ну, здорова? Учится?

– Учится. А в чем, собственно...

– Да я вот подумал, – тараторил Марцевич, – Давно не виделись, а у меня как раз дела в Нью-Йорке. Посидели бы, поговорили...

– Я сейчас не в Нью-Йорке.

– А я знаю, где ты сейчас, – продребезжал хохоток Марцевича, – Воздушное пространство близ Цюриха... Слышал, у тебя очень комфортабельный самолет. Хороший дизайнер?

«И при Фей пронюхал. Ах ты, сука...»

– Первоклассный.

– Так что, в Цюрихе увидимся?

Роман поморщился. У Марцевича бульдожья хватка. Если уж кто ему понадобится – достанет и в могиле. Как в тот раз – вперся в Эмпайр Стейт. Роман после добился увольнения сотрудников службы охраны здания. Пусть не пускают всех подряд. Еще не хватало, чтобы пронырливые папарацци застукали в его офисе дерьмократического Агасфера, от которого за версту разит криминально-чеченской помойкой. И, коль скоро их встреча неотвратима, Роман будет сам диктовать время и место.

– В Париже.

– Ты серьезно?

– Знаешь, где это?

– Мой пилот знает, – парировал Марцевич. По его тону Роман понял, что нувориш уязвлен, и улыбнулся.

– Ресторан «Белый дом». В 14:00 я намерен там пообедать. Неплохая кухня.

– А где это?

– Водитель знает, – усмехнулся Роман. – Я бы мог, конечно, пообедать и в другом Белом доме, но там сейчас дурно пахнет. Торфяники горят...

Уже с раннего утра солнце пекло нещадно. Едва выйдя за больничный порог, Марк почувствовал, как взмокла и приклеилась к спине новенькая белая рубашка, как волосы, превратившись в тонкие косицы, заструились по вискам и похолодевшему лбу. Жара достигла апогея. Высокий желтый забор принялся расти, шириться, превращаясь в огромный купол, обнимающий все вокруг, подобно гигантскому своду, не желая выпускать из чистилища неприкаянную ускользящую душу... Марк, покачнувшись, рванул ворот. Оторвавшись с треском, маленькая белая пуговица отлетела в дебри свежеполитого стриженного газона.

– Марк, что с тобой? – шедший рядом Георгий Аркадьевич подхватил его под локоть, и легкая боль вернула Марка к реальности.

– Все нормально, – прошептал он, закашлявшись першившей в горле жарой, – Голова немного закружилась.

За воротами, облокотившись о кряжистый ствол придорожного дерева, отдыхал в тенечке, надвинув на глаза «найковскую» бейсболку, молодой парень в пропылившейся футболке. Его челюсти под ровной ниточкой усиков лениво двигались, перемалывая резинку.

Марк шагнул из ворот. Парень встрепенулся, ковырнул пальцем в носу, ткнул вверх козырек, из-под которого стрельнули по сторонам юркие мышинные глазки.

Из припаркованной у входа вишневой «десятки» вышла немолодая женщина в турецком платье, темно-синем с огромными белыми градинами. Неестественные завитки медных волос, полуопавшие от жары, подчеркивали полноту шеи, кряжистость плеч, мясистость носа, квадратность подбородка. Глаза скрывали черные очки. Женщина сделала шаг, другой, поднесла к лицу широкую ладонь, сгребла в нее очки, сощурившись от солнца. Ее глаза в сетке мелких морщинок смотрели настороженно и немного виновато. Марк шевельнул губами, но не сумел вымолвить ни слова, лишь рука сильнее стиснула ручку спортивной сумки.

– Ну, здравствуй, Марк, – нарушила молчание женщина. И в ее голосе, громком, с металлическим отливом, послышались растерянные нотки.

– Здравствуй, тетя Галь... – пробормотал он, – Ты совсем не изменилась...

– В самом деле? – она рассмеялась, точно камни перекатились по железному желобу. – А я-то надеялась, что стала выглядеть лучше. Шучу, – махнула она полной рукой, увидев, что племянник виновато опустил глаза. – Называй меня Галина, без «тети», договорились? Ты уже большой мальчик, – и добавила посерьезнев: – Я рада, что с тобой все в порядке. Рада тебя видеть...

– Да, – проговорил он тихо, – Я тоже...

Каждый из них подумал в этот момент, что, наверно, стоит по-родственному обняться... Никто не заметил, как сбоку подобрался парень, что дремал под деревом, и в руках его в мгновение ока застрекотала камера. Невесть откуда, точно полуденный мираж, появилась длинноногая девица в шортиках и топе, которые запросто могли бы сойти за бикини, раскрыла ярко покрашенный ротик широко, точно собралась позавтракать, и, сунув в лицо Марку маленький черный диктофон, протараторила:

– Вы провели в психиатрической клинике двадцать лет за убийство. Как Вы планируете жить дальше? Чем будете заниматься?

Марк растерянно захлопал глазами.

– Убирайтесь! – рявкнула тетка и, нахлобучив очки одной рукой, а другой запихнув оторопевшего племянника в вишневую «десятку», с треском захлопнула дверь.

Через матовое стекло Марк увидел, как парочка устремилась к Георгию Аркадьевичу, но тот, прощально взмахнув рукой, спешно ретировался за ворота.

– Двадцать один... – пробормотал чуть слышно Марк.

– А? – переспросила Галина, щелкнув магнитолой и выжимая сцепление.

Желтый забор с частоколом чахлым тополей величественно проплыл вдоль затемненного окна.

«Я на воле не был сто лет

Я забыл, как шелестит бриз...

Птица белая летит вверх,

Отражение скользит вниз».

– Ну и как тебе свобода? – убавив громкость, усмехнулась Галина.

Марк молчал, прикрыв глаза, до крови кусая дрожащие губы. Он еще не чувствовал свободным.

Стоявший по ту сторону шоссе серо-голубой «Мерседес-420» с тонированными стеклами бесшумно вырулил на дорогу и растворился в клубах дорожной пыли.

Тетка болтала без умолку о том, сколько пришлось покрутиться ей одной в эти годы, как было тяжело. Шутка ли: в одиночку начать с нуля собственный бизнес, не сломаться, не прогореть... Марк старался вникать в смысл услышанного, но толком ничего не понял. «Крыша, бабки, дебет, налоги...» – непривычные слова горохом отскакивали от головы, не откладываясь в памяти. Он ощущал себя иностранцем, позабывшем о цели приезда. Ему показалось в какой-то момент, что и Галина говорит так много и непонятно, хоть и не без гордости, лишь потому, что боится разговора на иные темы, или того, что вдруг в наступившей тишине возьмут да и материализуются из небытия смутные тени давно ушедших, но непохороненных лет... Наверно, у него просто разыгралось натренированное за безрадостные года воображение: Галина всегда была материалисткой и принадлежала к самому реальному из миров, где не верят ни в Бога, ни в черта, ни в призраки, ни в надежды, ни в мечты... Он снова прислушался к ее словам.

– Я сдавала твой дом. Вот деньги. Они твои. Здесь рубли и доллары, слышал о таких?

Марк ответил, что знает: Георгий Аркадьевич объяснял.

– Хорошо, – оторвав руку от руля, Галина бросила ему на колени пухлое портмоне.

– Пересчитай.

– Не надо.

– Тогда убери, – она вновь усмехнулась, как-то печально.

Он послушно засунул кошелек в немедленно оттопырившийся карман брюк.

– Дома спрячь, – сказала Галина. – И так не носи: вытащат.

– Хорошо.

– Вот и приехали.

Машина боднула тупым носом придорожную лебеду и выжидательно замерла. Марк медленно повернул голову и посмотрел в окно.

Забор был облезлым, покосившимся, в подтеках некогда изумрудной зелени. Прежним. Как и дорожка, некогда вымощенная плитами, а ныне напоминавшая лесную тропку, размытую дождями и снегами, изломанную сорняками, разодравшими уцелевшие обломки, растоптанную равнодушными ногами чужих людей.

И дом. Покосившийся, но все еще крепкий, он выжидательно взирал на человека, прячущегося за дымчатым автомобильным стеклом от его черных глазниц.

«Добро пожаловать домой, Марк...»

Марк судорожно отер обеими ладонями холодную испарину со лба и висков.

«Я туда не хочу... Но больше некуда».

«...на заре я выйду в туман...»

Галина выключила магнитола. Стало слышно, как жужжит кондиционер.

– Ты очень похож на Полину, свою мать... Особенно глаза... Знаешь она не была настоящей преступницей. Просто дурочкой, которая всем верила и вечно выбирала не тех мужчин... – Галина напряженно разглядывала коротко остриженные ногти на загрубелых пальцах. – Я хочу попросить у тебя прощения, Марк... Я тоже отчасти виновата... Я была не лучшей теткой. Детям нужна любовь, а я не сумела тебе ее дать. Я собиралась тебя навестить... Много раз. Но боялась. Услышать это от тебя... Но это правда. Вот...

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

– Вы готовы?

2

– Да, мэм, я закончила работу.

3

- Хорошо, спасибо. На сегодня наш урок закончен. До свидания, Марианна.

4

- До свидания, Елена Эдуардовна. Спасибо.

5

дурной тон (франц.)

6

да —(нем.)

Купить: https://tellnovel.me/ru/gayvoronskaya_elena/igra-s-ognem

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)